

Академия наук Абхазии  
Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа  
Ассоциация писателей Абхазии

---

# Ода Аҟәа-Сухуму

Стихотворения • Рассказы • Очерки

*Автор проекта и  
составитель писатель, академик*  
**В.К. Зантария**

Сухум – 2026

УДК 821.35(5)  
ББК 84(5Абх)6-5  
О-40

Редактор – **А.Е. Ашуба**

*Автор проекта и  
составитель писатель, академик*

**В.К. Зантариа**

## **Ода Акѳа–Сухуму**

О-40 Стихотворения • Рассказы • Очерки.  
Сухум: Дом печати, 2026. – 160 с.

Г/р 978-5-111-08-02026

УДК 821.35(5)  
ББК 84(5Абх)6-5

© АБИГИ, 2026  
© Ассоциация писателей Абхазии, 2026  
© Редактор, А.Е. Ашуба, 2026  
© Автор проекта и сост., В.К. Зантариа, 2026



\* \* \*

*«Новая книга о Сухуме (Акуа) – это визитная карточка столицы, ее художественный символ...» –*

Тимур Агрба,  
мэр Сухума

*– Я изначально одобрил идею поэта, академика Владимира Зантария о подготовке этого замечательного многоголосого и полифоничного сборника, вобравшего в себя все самое яркое и значимое о Сухуме, ее истории...*

*Мы боремся за сохранение исторического облика нашей любимой столицы. И аналогичные издания станут превосходным рекламным подспорьем для продвижения и информационной поддержки наших градостроительных трендов.*

*Я признателен Владимиру Константиновичу за скрупулезную работу по систематизации редких материалов источников и сообщений о Сухуме.*

*Он, как опытный писатель и ученый, выполнил свою работу профессионально, стилистически оригинально, вместе с тем популярно...*

*Мы будем преподносить книгу друзьям Сухума и Абхазии, городам – побратимам. И в первую очередь, российским коллегам, вкладывающим в развитие и возрождение «Акуа-Сухума» колоссальные средства.*

Тимур Агрба



## ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Давно я вынашивал идею создания художественной антологии Сухума. Мы же помним сколько ярких, образных, глубоких по смыслу вещей, посвящено истории, культуре, красоте и традициям нашей любимой столицы. Причем в самых разных жанрах: поэзии, прозе, публицистике, в эссеистике, в путевых заметках великих писателей, художников, путешественников, посещавших нашу страну в самые разные времена...

Вспомним бесценную книгу незабвенного Станислава Лакоба «Крылились дни в Сухум-кале» – своеобразную историко-художественную летопись, уникальную культурную хронику, приоткрывшую окно во внешний мир весьма талантливо, многогранно, колоритно и с особым, черноморско-авангардистским шармом. Книга преподносит зарубежным читателям страницы бурного творческого взаимодействия, взаимопроникновения произведений абхазских и русских писателей, художников, музыкантов, театральных деятелей, артистов, режиссеров, – с сухумской творческой элитой, в книге воссоздана, атмосфера, царившая здесь в начале 20-го века во многом благодаря огромному влиянию и авторитету великого абхазского художника, сценографа А.К. Чачба-Шервашидзе... И этот период замечательный историк, поэт, профессор С.З. Лакоба вполне оправданно охарактеризовал, как «Сухумский Ренессанс». Так что наша антология – это тот редкий замысел и проект, соавторами которого условно являются лучшие представители абхазской и русской художественной словесно-

сти. Я долго и последовательно собирал все эти алмазные россыпи по крупицам, дорожа каждым словом, каждым эпитетом, метафорой. Ни для кого не являются тайной или исчезнувшей историей, затерявшейся в архивных фондах, – стихи, рассказы, притчи, новеллы о Сухуме, о сухумцах, о достопримечательностях столицы, ее бессмертных памятниках. Но все это необходимо было бережно пропускать через золотое решето, чтобы потом в книге крупинцы алмаза засверкали всеми своими отблесками, прелестями. И в этом мне помогли мои друзья, А. Лагулаа, А. Сарецян, Г. Саканиа, В. Абхазоу... И в итоге – я смог собрать воедино и отшлифовать бережно материалы наиболее ценные, как с художественной, так и исследовательской точки зрения. Причем литературный каркас Сухумской антологии заняли вещи, созданные абхазскими классиками, начиная с Д. И. Гулиа, и выдающимися мастерами русского художественного слова. Не скрою, был удивлен и восхищен миниатюрными стихами Максима Горького на тему Абхазии, Сухума. Настолько они проникновенны, живописны, мозаичны... Возможно, после «Рождения Человека» «Калиныча» и других знаменитых и знаковых вещей Великого писателя об Апсны – стране души, его лирика на абхазскую тематику как бы оказалась условно оттесненной на второй план. Но тем не менее, сейчас они еще более актуальны, привлекательны, информативны, весьма интересны и приобретают неповторимую экспрессивность и философскую глубину

Уже в наши дни...

\*\*\*

И когда я пришел со своими идеями о «сухумской антологии» к новому мэру города Тимуру Михайловичу Агрба, он весьма тонко и трепетно воспринял мои предложения и сказал твердо: «Если Вы подготовите такую книгу, я ее поддержу непременно и помогу издать».

Этот разговор по душам и достойный жест молодого мэра дал хороший толчок моему замыслу. Я надеюсь, что сборник действительно станет брендовым и книга даст новый импульс продолжению уникальных литературных традиций, формировавшихся в Сухуме веками. Издание задумано, как двуязычное на абхазском и русском языке, с учетом важности знакомства с оригиналами произведений на том языке, на каком они родились изначально. Со временем можно было бы издать книгу, обеспечив перевод ее текстов и на английском языке, чтобы информационное пространство книги было достаточно широким...

**Владимир Зантария,**  
*поэт, академик, председатель Ассоциации  
писателей Абхазии, лауреат Государственной  
премии Абхазии им. Д. И. Гулиа,  
чл. Союза писателей России,  
кавалер ордена «Честь и Слава 2-й степени*

## Дмитрий Гулиа

### КОРАБЛЬ ПРИШЕЛ

Что за темная ночь: поглядишь – и не видишь ни зги.  
Стихли грозные битвы, и сломлены наши враги.  
И среди нерушимой, глубокой ночной тишины  
Я люблюсь мерцаньем едва различимой волны.

В этот миг возникает и меркнет загадочный свет –  
То зажжется во тьме непроглядной,  
то вновь его нет.

Отраженные морем, трепещут и гаснут огни, –  
Нелегко догадаться, откуда возникли они.

После долгих тревог мне доводится только сейчас  
Видеть столько знакомых,  
беспечно светящихся глаз, –

В нашу южную бухту веселый вошел пароход,  
Он сияет, избавлен от множества бед и невзгод.

Подымаясь и падая, к берегу мчатся валы;  
Озаряя волну, пароход появился из мглы,  
Взбудоражил окрестности резким и  
долгим гудком, –  
Этот голос веселый всему побережью знаком.

Он стоит у причала, двоясь и колеблясь в воде,  
И сигнальный фонарик подобен высокой звезде.  
Как давно я не видел такого свеченья огней!  
Я погладил обшивку, прошелся ладонью по ней,



## Ефим Зайцевский

### АБАЗИЯ

Забуду ли тебя, страна очарований!  
Где дикой красотой пленялся юный ум,  
Где сердце, силою пленительных мечтаний,  
Узнало первые порывы смелых душ  
И вдаль несло восторг живейших удивлений!  
Волшебный край, приют цветов!  
Страна весны и вдохновений!  
Где воздух напоен дыханием садов  
И горный ветерок жар неба прохлаждает,  
Где нега точная в тиши густых лесов  
К забвенью и мечтам так сладостно склоняет!  
Где поражают робкий взор  
Кавказа льдяные зубчатые вершины,  
Потоки быстрые, леса по цепи гор,  
Аулы дикие и темные долины!  
Где все беседует с восторженной душой!  
Там сладостно ночей течение,  
Роскошны сны и тих покой!  
Там в грудь мою лились восторг и наслажденье,—  
И я дышал огнем поэзии святой!

1823



Ацслыш ахыглаз, рымтэыжэфа хыфры,  
Ашыз ахырчацоз иасны акэыбры,  
Избоит, нас, амфақәа каххаа ичапоуп,  
Уахънеилак хэынтэада, ибахтэаза игоуп.  
Бзиа избоит, агапша хаара сындо,  
Сықалақь бахчара сгэыргыо сантоу.  
Азынгы махэ хаха змоу тла убазом,  
Урт злафычоу абгы иатэа канзом.  
Ианвар азыхэангы ашэтқәа фассы,  
Бахчак унталаргы, узтыцуам лассы.  
Амшын кэандаза иавоуп абра,  
Ацэқэырц ахьарчхэа инасуа акэара.  
Сықалақь, избаз сылацәа аныхтыз,  
Рапхьа абзиабара амца закэыз  
Аброуп иахьыздыр, аброуп иахьсызха,  
Аброуп афызцәа гьефқәагь ахьсырха.  
Урт пытфык ыкам, избом иахьа ара,  
Азэырогы ирцеипшын хатцала ацсра.  
Иуцыртцит аибашьра амца анакы,  
Хацсадгыл ахьчараф ицэеит цыоукы.  
Иубеит, сықалақь, уи аамта закэыз,  
Ахтыц унпыккала акэын ишуныз!  
Аакыскыоуп, аибашьра шуан имцаха,  
Хашьхара даахыкэгылт дхытцырц аға.  
Ибла ашьа хытэало даарц итаххеит,  
Илымшеит, сықалақь, ура уеикэхеит.  
Назаза идашьхэа Сталинград ицқан,  
Фашист цсыбафла хархақәа хъбан.  
Акэа! Итахаз Диоскуриа акэых,  
Иунызбаалоит сыцсадгыл атоурых.  
Абракэын уи ақалақь жэытэ иахьтахаз,  
Амшын Еикэахь гэшэсгы иамаз Кавказ.  
Ухықәаф, амшын ахьарч ахьарго,

Иазон дызлазхытцхъаз ааихъан «Арго»,  
Колхаа ртыпцха цшза Медеиа лыгезаны,  
Абракәушь дахыицтал уи дизгәыкны!  
Ипхеипхеиуа иулган иргон архәцәа  
Уи хыла ифычаз абрантә ауасцәа.  
Зақантә ушәтхъази, сықалақь, абра,  
Зақантә уагахъази нас абылра!  
Зны урацәаххыраха алфа ухатәан,  
Цсызхоу дутамкәа, шықәсыла уқбацтан.  
Агаға еималон, бнатцас иууаза,  
Ухнафон азрычра, апкыз жәпаза.  
Сықалақь, исзымбо са сгәазхара,  
Салоуп снейфеиуа тынч иахъа ара.  
Истахуп, Акәа, убас узхаларц,  
Бахчара – быбышла есааира ушәтларц.  
Сасааира патула ухъыз галарц,  
Изфыдоу атыпцкәа уреигъны уқаларц.

1946

## ВЕЧЕР У МОРЯ

Каждый день, закончив труд,  
Те, кем город наш отстроен,  
К морю вечером идут  
Жаркой летнею порою.

Чист вечерний небосклон,  
Свежий ветер гладит пряди,  
Весь Сухуми отражен  
На морской прибрежной глади.

Городских огней лучи,  
Как осколки солнца, яркие,

Слышно, музыка звучит,  
Молодежь танцует в парке.  
Вдоль прямых аллей идем,  
Каждый куст посажен нами,  
Каждый новый светлый дом  
Создан нашими руками.

Каждый встречный нам знаком,  
Здесь мы все не раз бывали,  
Здесь делились табаком,  
Песни пели, танцевали.

Много вложено труда,  
Строить нам еще немало,  
Чтоб Сухум наш рос всегда,  
Чтоб еще прекрасней стал он.

День прошел, закончен труд,  
И с лесов сухумских строек  
Люди отдыхать идут  
Жаркой летнею порою.

*1949*

Алексей Джонуа

БОТАНИЧЕСКИЙ САД

Вот предо мною растенья,  
Точно зеленые крылья, –  
Мирной и сладостной тенью  
Влажную землю укрыли.

Вот величавой стеною  
Мощно встают кипарисы,  
Вот с гималайской сосною  
Шепчется дуб густолистый.

В рощах бамбуковых вешний  
Ветер, веселый и синий,  
Взор очарованный тешат  
Гроздья лиловых глициний.

А к эвкалиптам вплотную  
Пальмы из дальней Флориды,  
Пальмы! – в Сухуме вторую  
Родину обрели вы!

Здесь африканские травы,  
Заокеанская флора.  
Здесь мексиканка агава  
Рядом с самшитом суровым.

Листья душистых магнолий  
С веточки сочной и зыбкой

В лица глядятся – в окно ли –  
С необычайной улыбкой.

Липа раскинула ветви  
В тысячелетнем величье,  
В кроне ее неприметны  
Гнездышки малые птичьи.

Здесь в густолиственном шуме  
Зреет народа богатство,  
Пестует город Сухуми  
Солнцем овейный сад свой.

1947

*Перевод В. Луговского*

## Чичико Джонуа

### НА КОЛХОЗНОМ РЫНКЕ

В Сухуме идешь по колхозному рынку,  
Дивясь изобилию осенних садов.  
Душистого меда высокую крынку  
Теснят на прилавке корзины плодов.

Подернута черная гроздь «изабеллы»  
Лиловым налетом, и трудно постичь,  
Как вырос такой ароматный и спелый,  
Такой удивительно крупный качич? (1)

– «Отведай!» – кричит мне, приветлив и весел,  
Старик продавец, усмехаясь в усы.  
Он множество яблок румяных отвесил  
И желтые груши кладет на весы.

Колхозники об урожае высоком  
Не зря позаботились в этом году.  
Вот персик, наполненный сладостным соком,  
Как солнечный полдень в сухумском саду.

Домой горожанин уносит в корзине  
Всех красок осенних торжественный пир.  
Хозяйке по сердцу душистая дыня,  
И синие сливы, и сладкий инжир.

Взгляните на смуглый румянец Макрины.  
Недаром толпится народ у стола.

Впервые она собрала мандарины  
И в город на ослике их привезла.

Гигантскую тыкву растили с любовью.  
Картофель насыпан в тугие мешки.  
В соседстве с оранжевой крепкой морковью  
Лежат фиолетовые кабачки.

Вот лобио подле капусты кудрявой,  
И перец душистый – отрада южан.  
С ним рядом, для острой и пряной приправы  
Лежит на прилавке чеснок и рахан.

Там – купишь баранью отличную тушу,  
А здесь – молодой наливают маджар.  
Играет вино, веселящее душу,  
От солнца в бутылки пылает пожар.

Есть в нашем краю виноградные лозы.  
На пастбищах тучные бродят стада.  
Великим богатством владеют колхозы.  
Растет нерушимое братство труда.

*1947*

## Виктор Стражев

### ДИОСКУРИЯ

Великоблеск ее потух.  
Волна веков следы размыла.  
На дне морском ее могила.  
И только имя сытит слух.

Кочует, зыблясь, по ночам  
На лунном море рой видений:  
Трирем скитальческие, тени  
Плывут к колхидским берегам.

И слышен долгий – долгий зов  
Гостей далекого Милета.  
Но берег чем и нет ответа  
На зов от праха земляков.

Так излучилась без следа  
Звезда понтийская Колхиды.  
Но в небе светят. Тиндариды  
Их двоеокая звезда!

## Фазиль Искандер

### ДЕТИ ЧЕРНОМОРЬЯ

Эй, барабанщики – банщики!

Эй, трубачи – трубочисты!

Сказочники, обманщики, фокусники, артисты,  
Старатели, кладоискатели, суровые землепроходцы,  
Любители лимонада, сами себе полководцы!

Тычьтесь, пока не поздно, мордами в мякоть арбуза!

Позванивают и побулькивают ваши веселые пуза.

Вам ли товарищ, скажите, вам ли, скажите – кореш

Гадкий утенок зализанный,

комнатный этот заморыш?

Воздух морей – полезней! Воздух лесов – полезней!

Дерево – доктор, а листик – лучший рецепт от болезней.

Карабкайтесь в горы, ребята!

Хватайте струю водопада,

Шатающуюся у ног,

Как всаженный в землю клинок!

(Ветер пузырит рубаху.

Солнце стоит в зените.

По-лягушачьи с размаху

В пену морскую летите!)

Где-то заливы и заводи, где-то Стамбул и Афины.

Морем до самого полюса фыркающие дельфины!

В сторону, в сторону шуточки! Этот рыбак знаменитый

Ловит антенною удочки подводную песню ставриды.

Кработорговцы, нырятьшики,  
донных ракушек владельцы,  
Храбрые красногвардейцы, таинственные индейцы,  
Грядущие космонавты, солнцем дубленные шкуры,  
Будьте здоровы, дети! Славлю вас, бедокуры!

1955

## КИАЗЫМ АГУМАА

Я был с тобой совсем недавно,  
Гулял я по твоим садам...  
Плескались волны тихо, плавно,  
К твоим, Сухум мой, берегам...

Твоих деревьев помню роскошь:  
Смешалась с летом здесь зима...  
В горах пастух героев славил,  
И по тебе скучал весьма...

Я разлучен с тобой судьбою,  
Столица, слышу я твой зов!  
О, знай, прорвусь к победе – с боем,  
И в Апсны вернусь я вновь!

Знай: я не пожалею крови,  
Давно Отчизне дал зарок:  
И свою жизнь отдать готов я,  
Страданиям подводя итог...

Вернусь я в пору пробуждения, –  
Врагам коварным отомстив!  
Вернусь в Сухум я – в день весенний,  
Отчизне раны залечив!

## Иван Тарба

### КТО ЗНАЕТ!..

*Вианору Пачулиа посвящается*

Что же вы молчите, вековые крепости?  
Словно крик немого, отверстия ворот...  
Стерлись ваши камни словно буквы в эпосе,  
Кто их разгадает, кто их разберет?

Даже эхо замерло в сумрачных развалинах...  
Что же затаилась ты, Абхазская стена?  
Или ты не хочешь ничего рассказывать,  
Или ты в историю вся погружена?

Где же, Диоскурия, ты сейчас покоишься,  
Как же дно морское спрятало тебя?  
Ах, такой утопленнице разве не поклонись? –  
Падают ниц волны, друг друга торопя.

Ветер, бесконечные прекрати метания!  
Все поведай искренне. Или ты охрип,  
Или ты, быть может, дал обет молчания,  
Охраняя моря синий манускрипт?

Что же вы молчите, вековые крепости?  
Словно крик немого, отверстия ворот...  
Стерлись ваши камни словно буквы в эпосе,  
Кто их разгадает, кто их разберет?

Кто же нам расскажет, кто нам все поведаст  
И от всех загадок передаст ключи:

Пали в поражениях? Воздвигнуты победами?  
Кто же ваши зодчие? Или палачи?

Человек во все века вас понять пытался,  
Каждый раз к решению близок на чуть – чуть.  
Как преодолеем мы ваших тайн пространства  
Как раскрыть сумеем мы дней минувших суть?

Может быть, все это, что оберегаете,  
Вы хотите сами найти и оценить?  
Лучшее свидетельство вашей биографии  
– Крепко нас связавшая невидимая нить.

Может быть, как мы к вам, так и к нам стремитесь вы,  
Чтоб расшифровать все точно, до конца:  
Летопись разрухи, рукопись строительства,  
Живопись обычаев, звукопись свинца?

Где хранится тайна, неизвестно даже,  
– Вечно мы прикованы к древним письменам,  
– Может быть, когда мы от нее все дальше,  
То она все ближе, все понятней нам.

1967

*Перевод И. Кашежевой*

## ДО УТРА

Паломнику так суждено, пастуху ли,  
Что вечно по долгу в пути быть должны?  
Вчера до утра пробродил по Сухуми  
Всю ночь я с фонариком яркой луны.  
Поднялся на гору, где ветры стихали.

И прочно пришита ее высота  
Моими шагами – большими стежками  
К низинам я был там – реки Гумиста.  
Бродил и бродил я, забыв про усталость,

Он был бесконечным, маршрут мой ночной.  
И мне почему-то вчера показалось,  
Что вижу впервые я город родной.  
А город за мной неподвижно и молча  
Бродил лабиринтами улиц своих,  
Сквозь сон бормотало спокойное море,  
Как будто оно продолжение их.  
И ночью вчерашней не стало границы  
Меж горной прохладой и влагой морской...  
А ноги мои, как усталые птицы,  
Несли меня медленно утром домой.

*Перевод И. Кашежевой*

**Миясат Муслимова,**

*лауреат государственной премии Дагестана*

## НАБЕРЕЖНАЯ В СУХУМЕ

Море – как дыхание времён  
Или время в колыбели моря.  
Пиршеством и звучностью имён,  
Чередой жизненных историй  
Полнит день несуетный Сухум,  
Окуная память в брызги смеха.  
Пусть мудрец печален и угрюм,  
Для абхаза время – не помеха.

Чашка кофе с ароматом дня,  
Собеседник – друг и брат навечно.  
– Помнишь, как Инал купил коня?  
... Кажется, что время бесконечно.  
– А Баграта знаешь, шутника?  
– Помнишь, как Даур решил жениться?..  
– Как Башныху укрощал быка?  
Свет небесный обнимает лица.

Чередуя с именем царей –  
Константин Второй и Феодосий –  
Имена соседей и друзей  
И условность времени отбросив,  
День неспешно в сумерки уходит,  
Небо тонет в море бирюзовом,  
Лунный ломтик берег. А их сводит,  
Сыплет звезды, как живое слово.

Где-то дни летели что есть мочи  
Загнанно хрипели их бока,  
Люди, оседлав и дни, и ночи,  
Не спускали с их висков курка.  
...А мой день в Сухуме так же длится  
Благодатью мира и речей.  
Благодарно освещая лица,  
Отдыхает время от людей.

2026

## **Виталий Шария**

### **«ЛУКОМОРЬЕ»**

#### **В СУХУМСКОМ БОТАНИЧЕСКОМ САДУ**

*Источник: газета «Эхо Абхазии», № 10 (961), 11 июня 2019*

В четверг 6 июня отмечался пушкинский юбилей, 220 лет со дня рождения величайшего русского поэта. В столице Абхазии есть улица Пушкина, на которой стоит бюст ему. И именно с возложения цветов к бюсту началось торжественное мероприятие в Сухуме в этот день, который отмечается также на международном уровне как день русского языка. В 2012 году это мероприятие в Сухуме впервые по предложению народного поэта Абхазии, президента Ассоциации писателей Абхазии, награжденного, кстати, российской медалью Пушкина, Мушни Ласуриа было проведено так: после возложения цветов к памятнику участники торжества прошли в расположенный тут же, через дорогу, Сухумский ботанический сад, где на полянке в тени огромной старой липы расположились на стульях в ее тени и слушали выступления абхазских и русских поэтов, юных чтецов и певцов... Рассказывая об этом праздновании в «Эхо Абхазии», я отметил, что, по-моему, найдена очень удачная форма его проведения. И подтверждением этой удачности является, в частности, то, что оно стало традиционным и ныне проводилось уже в восьмой раз подряд. Нынче встречу под липой, в тени которой на расставленных полукругом несколькими рядами стульях расположилось человек двести, не меньше, открыла председатель Русского культурного центра в Аб-

хазии Наталья Каюн. Советник президента Абхазии, поэт и публицист Владимир Зантария отметил в своем выступлении, что традиционные Пушкинские дни в Абхазии стали частью нашей национальной культурной летописи. Чрезвычайный и Полномочный Посол России в Абхазии Алексей Двинянин, в частности, сказал: «Вы знаете, я уверен, что будь Александр Сергеевич сегодня с нами, он обязательно сказал бы несколько слов на абхазском. Ну, как минимум «Шьардаамта, Апсны!». («Многие лета, Абхазия!»)... Как минимум. (Аплодисменты). Неслучайно Международный день русского языка в Организации Объединенных Наций с 2010 года было решено отмечать в день рождения Пушкина.

Как английского – в день рождения Шекспира, а испанского – в день смерти Сервантеса». Когда слово было предоставлено Мушни Ласуриа, он во второй части своего выступления, на русском языке, сказал:

«И символично, что его день рождения мы отмечаем именно здесь, в Сухумском ботаническом саду. Он был основан, как известно, другом Пушкина Николаем Раевским в 1840 году. И я не исключаю, что генерал Раевский, общаясь тогда с абхазской элитой, с горечью рассказывал подробности трагической гибели своего друга и гениального поэта. И именно здесь, возможно, в тени этого дерева. Вот мы здесь, в нашем чудесном саду отмечаем день рождения поэта. Все идет прекрасно и замечательно. Но тем не менее, мне кажется, нам следует подумать, как разнообразить и увеличить масштабы этого праздника. Делюсь некоторыми предложениями. Нахожу уместным приглашать известных пушкинистов из Москвы и Петербурга, русских поэтов-переводчиков, работников пушкинских музеев, мастеров художественного чтения. Можно, скажем, через каждые три года проводить меж-

дународные конференции, связанные с именем Пушкина и проблемами художественного перевода». Маленькое уточнение из справочной литературы. В 1838 году, то есть всего через год после трагической гибели Пушкина на дуэли, лекарь Сухумского гарнизона Багриновский, обладавший обширными познаниями в области ботаники и садоводства, разбил возле своего дома сад. В 1840 году на этот сад обратил внимание начальник укрепленной Черноморской береговой линии генерал-лейтенант Н. Н. Раевский и добился, чтобы российский император взял содержание сада на государственный счет. А кавказская липа, под сенью которой в Абхазии в последние годы собираются, чтобы почтить память Пушкина, даже старше его, как считают ученые, на тридцать лет – ей 250 и она росла на этом месте еще в 18 веке.... В следующей части программы праздника было художественное чтение произведений Пушкина в оригинале и в переводе на абхазский язык. С ним выступали студенты и старшеклассники. А затем ведущие программы объявили «свободный микрофон», когда все желающие могли сделать то же. И моментально к микрофону выстроилась очередь из детворы. Я тоже отвел туда двоих своих юных родственниц, одной из которых шесть, а другой – девять лет. С обеими мы заранее выучили начало романа в стихах «Евгений Онегин» в переводе на абхазский язык Мушни Ласуриа. Ну, все помнят: «Мой дядя самых честных правил, когда не в шутку занемог, он уважать себя заставил и лучше выдумать не мог». Кстати, по поводу этих строчек в Абхазии шутят: в абхазском языке «дядя по матери» и «дядя по отцу» – это разные слова; Ласуриа перевел как «дядя по отцу», хотя Пушкин не уточнял, что это именно так.... И вот как прозвучали эти известные строки в Сухумском ботаническом саду: «Саб иашья

зламыс хьзырхэагаз, Ачымазара данакы, Ахылацшра итаххеит инагаз Изымхэыцт еиғьыз даеакы. Иара ихтыс шьоук рзы иҕырцшыгоуп, Аха Анцэа иныс игэыптэагоуп, Шьаҕак уааидымшэо цъара, Ачымазаф ичацшьара. Изакәу гьангъашроузеи таны Аарла ишьтоу игэы атгара! Ихчы арманшәалара иркра Ихәшәкәа улахь еикәтцаны». В какой-то момент шестилетняя исполнительница запнулась, но, к счастью, это был не школьный урок, и сидевший неподалеку за столом автор (перевода, разумеется) ей подсказал, и она успешно зачитала отрывок до конца. Были исполнены новый романс на стихи Пушкина (музыку написал местный автор) и музыкально-литературная композиция. Абхазские и русские поэты читали и свои стихи.

**Игорь Гельбах**

## ЗАБЫТЫЙ СЕБАСТОПОЛИС

Кофе на «Амре» начинали варить очень рано.

Путру приходили в кофейню одни и те же люди, частью отставники – военные и пенсионеры, те, что ловили рыбу с причала. Рыболовы располагались обычно в середине причала, где их прикрывало от ветра и холода здание ресторана.

Был среди них и дядя Саня, старый сотрудник органов. От холода его спасала черная кожаная куртка с меховым воротником. Его маленькие, голубые, глубоко посаженные глаза под широким лбом всегда смотрели чуть настороженно, но, возможно, он щурился просто от избытка света. Дядя Саня давно уже вышел в отставку и почти каждое утро приходил на «Амру» порыбачить. Он был опытный и осторожный рыболов.

В будке у кофевара было тепло от жаровни с раскаленным песком. Алеко варил кофе в маленьких джезвах, меланхолично перебрасываясь репликами с несколькими посетителями кафе одновременно. То был крупный смуглый мужчина с правильными, неспешно обрисованными чертами лица, родом то ли из Ливана, то ли из Франции. Поначалу он работал во дворе ресторана «Нартаа» на набережной, позднее перебрался на крышу ресторана «Амра» на причале.

На плечах у Алеко всегда был белый халат, на голове – белый колпак. У него были густые, с сильной проседью

усы, и круглые, темные глаза. По-русски он говорил не очень хорошо. С родственниками, помогавшими ему в кафе, он изъяснялся короткими фразами на армянском языке. Он был старейшиной сухумских кофеваров.

Для греков и армян сидение в кафе и питье кофе было занятием естественным. То была принесенная в эти края старая «понтийская» традиция. Иногда в кофейне на «Амре» вспоминали Арзрум, Артвин и Трабзон, признание Лениным правительства «младотурков», и уступленные туркам земли.

Для укоренившихся в этих краях греков весь строй их жизни был прерван высылкой 1949 года в Казахстан. Возвращаться на Черное море из Средней Азии они начали лишь во второй половине 50-х годов. Приходили на «Амру» и греки, покинувшие Грецию после окончания гражданской войны 1946–1949 года. Некоторые хотели вернуться в Грецию, но это удавалось немногим.

Сидя за утренней чашкой кофе, можно было услышать замечания, соотнесенные с событиями времен аргонавтов и Колхидского царства. Однажды знакомый ювелир пожаловался на директора местного салона, торговавшего чеканкой, живописью и сувенирами,

– Ну чего же от нее можно ждать, если ее при рождении называли Медеей?

Дни зимой были короткие, быстро наступали синие, холодные вечера, и кофейня на «Амре» быстро пустела.

Греки и армяне из Малой Азии начали переселяться в эти края после окончания русско-турецкой войны 1877–1879 года. После окончания войны более половины всего абхазского населения стали «махаджирами». Покинув родину, они уплыли в Турцию на фелюгах и чектермах. Остальные, за оказанную туркам поддержку, объявлены были «виновным населением» с запрещени-

ем проживать в Сухуме, в окрестностях города и поблизости от моря.

Большую же часть новых поселенцев составили мингрелы, уроженцы Западной Грузии. В мои дни звучали в городе разные языки: по большей части грузинский и мингрельский, а также русский, армянский, греческий и абхазский.

Lingua franca в Сухуми был русский.

## Антон Чехов

СУХУМ. 25 ИЮЛЯ 1888 г.

**Я** в Абхазии! Ночь ночевал в монастыре «Новый Афон», а сегодня с утра сижу в Сухуме. Природа удивительная до бешенства и отчаяния. Все ново, сказочно, глупо и поэтично. Эвкалипты, чайные кусты, кипарисы, кедры, пальмы, ослы, лебеди, буйволы, сизые журавли, а главное – горы, горы и горы без конца и краю... Сижу я сейчас на балконе, а мимо лениво прохаживаются абхазцы в костюмах ма-скарадных капуцинов; через дорогу бульвар с маслинами, кедрами и кипарисами, за бульваром темно-синее море.

Жарко невыносимо! Варюсь в собственном поте. Мой красный шнурок на сорочке раскис от пота и пустил красный сок; рубаха, лоб и подмышки хоть выжми. Кое – как спасаюсь купаньем... Вечереет... Скоро поеду на пароходе. Вы не поверите, голубчик, до какой степени вкусны здесь персики! Величиной с большое яблоко, бархатистые, сочные... Ешь, а нутро так и ползет по пальцам.

Из Феодосии выехал на «Юноне», сегодня ехал на «Дире», завтра поеду на «Бабушке»... Много я перепробовал пароходов, но еще ни разу не рвал.

На Афоне познакомился с архиереем Геннадием, епископом сухумским, едущим по епархии верхом на лошади. Любопытная личность.

Купил матери образок, который привезу.

Если бы я пожил в Абхазии хотя месяц, то, думаю, написал бы с полсотни обольстительных сказок. Из каждого кустика, со всех теней и полутеней на горах, с моря и с неба глядят тысячи сюжетов. Подлец я за то, что не умею рисовать...

## Из книги С. Лакоба

### «КРЫЛИЛИСЬ ДНИ В СУХУМ КАЛЕ»

В Сухуме 100 лет назад, 22 октября 1925 года, состоялась лекция диспут «Литературное сегодня», с которой выступил русский поэт Серебряного века Вадим Шершеневич (1893–1942).

Выступая перед публикой, поэт говорил о современных течениях в русской литературе, подробно рассказывал о творчестве Блока, Брюсова, Маяковского, Асеева, о том, какой должна быть литература будущего. В заключение поэт прочитал свои стихи, среди которых было посвящение Сухуму. *Из книги кандидата филологических наук И. И. Квициния «Абхазия в русской литературе» (Издательство «АЛАШАРА» Сухуми – 1982). (<http://apsnyteka.org/>)*

\*\*\*

Вадим Габриэлевич играл ведущую роль в футуристической труппе «Мезонин поэзии».

В годы гражданской войны вместе с Владимиром Маяковским писал тексты для «Окон РОСТА». В последние годы жизни В. Шершеневич работал преимущественно для театра, кино, переводил Шекспира, Корнелю, Брехта. Впервые он побывал в Абхазии в 1925 году. Работал в творческом содружестве с абхазским писателем Михаилом Лакербай. В 1935 г. они написали сценарий звуковой комедии «Птичий джигит», а в 1940-м лирическую оперетту «Дама в зеленом». Стихотворение было напечатано на страницах газеты «Трудовая Абха-

зия» в 1925 г. (Источник: *Абхазия в русской литературе.* – Сух., 1982. С. 366.)

Для творчества Шершеневича характерен эпатаж, естетство безобразного, богоборческие мотивы, бурлеск, тематика трагической любви. В своих стихах Шершеневич принципиально декларировал аполитичность искусства, интересовался клоунадой. У поэта Шершеневича был период симпатии к анархистам (в 1919 году был арестован за контакты с партией анархистов).

Значительная часть работы Шершеневича связана с кино и театром; работал как драматург, режиссёр, критик, сценарист, переводчик. В 1920-е–1930-е переводил на русский язык пьесы Шекспира, Корнеля, Сарду, немецкую и французскую поэзию, либретто популярных оперетт.

Осенью 1941 году Шершеневич эвакуировался на Алтай. Участвовал в литературных концертах на оборонных заводах и в военных госпиталях Барнаула, писал тексты для агитационных плакатов. Скончался после тяжёлой скоротечной болезни (двустороннего туберкулеза лёгких). Похоронен в г. Барнаул. *(по материалам Википедии).*

## Вадим Шершеневич

\* \* \*

Эй, худые иссохшие скалы  
И прибой, что упрям и жесток,  
В ночь в оврагах, как дети, шакалы,  
Днем – медузы – из студня цветок.

Там, в зените, застывшая птица,  
Выше воздуха, выше, чем взор...  
О Сухум, о кавказская Ницца,  
Прямо в море скатившийся с гор.

Ослепленно белеет по склонам  
Через зной снеговая ступень...  
Море шепчет соленым жаргоном  
Про прибрежную, южную лень.

Словно медленный буйвол, по небу  
Солнце едет, скрипя, на закат,  
О Абхазия горная, требуй  
В свою честь от поэтов баллад.

Влажный ветер, подующий с моря,  
Он здоровье на крыльях несет.  
О Сухум, строй твоих санаторий  
Гонит кашель и туберкулез..

Изо дня в день шло единоборство:  
С Юга – воздух, с России – болезнь.  
О, Абхазия, – это упорство  
Уложиться обязано в песнь.

Руки солнца ожогами снимут  
По лохмотьям всю кожу с меня...  
Опалительный, ласковый климат,  
Долго будешь ты сниться, маня.

Возле пены лежать без раздумий,  
Солнце прямо в охапку ловить!  
Как прекрасно в палящем Сухуме,  
Здоровея и крепнея, любить.

*1925*

## Константин Паустовский

### ГДЕ НАШЛИ ЗОЛОТОЕ РУНО (Абхазия)

**Я** впервые увидел эту страну в феврале.

Песок по берегам горных рек сверкал от крупинок золота. Белый город Сухум был осыпан желтой пылью мимоз, земля на базарах лиловела от пролитого вина, неумолимое солнце подымалось из-за Клухорского перевала, где горели льды, чернели буковые леса и спали в скалах жирные серебряные руды. Запах апельсинов смешивался с запахом жареных каштанов, красные флаги шумели от южного ветра в тропических зарослях садов, дикие всадники, гортанно крича, бешено скакали по каменным дорогам. Стенами падал теплый ливень, и душистый дым местного табака лениво сочился из окон духанов.

А в это время в ста верстах к северу и к югу море было белое от метели и обезумевший норд-ост гремел над палубами ржавых пароходов.

Это было в Абхазии, в самой маленькой из советских республик, в тропической Абхазии, богатой, щедрой и сонной.

Пароход идет вдоль берегов этой страны всего пять-шесть часов. Автомобиль пересекает ее еще быстрее.

С севера, востока и юга стоят горы, они недоступны и непроходимы. Через Главный хребет есть только два перевала – Нахарский и Клухорский. Через Нахарский идут те, кому жизнь не нужна. Через Клухор переходят только в июле, когда стают снега...

## Михаил Булгаков

Я.Л. Леонтьеву. 17 августа 1936 г. Сухуми. Сухум, гостиница «Синоп», 17.VIII.1936.

Дорогой Яков Леонтьевич! Чувствую, что бедная моя голова отдохнула. Начинаю беседовать с друзьями, о которых вспоминаю с нежностью. И в первых строках посылаю привет Доре Григорьевне, Евгении Григорьевне и Андрею Андреевичу.

\*\*\*

Засим: «Синоп» – прекрасная гостиница. Отдохнуть здесь можно очень хорошо. Парк. Биллиард. Балконы. Море близко. Просторно. Чисто. Есть один минус – еда. Скучно. Однообразно. Согласитесь сами, что несколько не утешают таинственные слова в карточке – цвыбель клопе, беф Строганов, штуфт, лангет пикан и прочее. Под всеми этими словами кроется одно и то же – чушь собачья. А многие, в том числе и я, принимают иноземцевы капли, и кормят их рисовой кашей и киселем из черники.

Все остальное-хорошо. Не нравится здесь немногим. Но в числе их сестренка Ольга. Въехала она сюда с таким грохотом, что даже я, при всей моей фантазии, изумился. И теперь с утра до вечера кроет последними словами побережье. И горы, и небо, и воздух, и магнолии, и кипарисы и Женю за то, что привез ее сюда, и балкон за то, что возле него пальма. Говорит, что всех надо выселить отсюда, а устроить цитрусовые плантации. Словом, ей ничего не нравится кроме Немировича. Начала она с того,

что едва не утонула. И если бы Ершов, как был в одежде, не бросился в воду и не вытащил ее, неувязка была бы крупная. Люся чувствует себя хорошо, чему я очень рад. Наша жизнь трудная, и я счастлив буду, если она наберет здесь сил.

Первое время я ничего не читал, старался ни о чем не думать, все забыть, а теперь взялся за перевод «Виндзорских» для МХАТа. Кстати, о МХАТе. Оттуда поразительные вести. Кумовья и благодетели показывают там такой класс, что можно рот разинуть. Но об этом как – нибудь при свидании. Люся мне говорит – ты – пророк!

Ах, дорогой Яков Леонтьевич, что-то будет со мною осенью? К гадалке пойти, что ли?

Что с «Мининым»? Я Асафьеву послал в письме маленькое дополнение к одной из картин. Работает ли он?

Мы собираемся выехать отсюда 27–28.VIII-го через Тифлис-Владикавказ (Орджоникидзе).

Ежели успеете написать мне сюда, обрадуете. Люся посылает всем вашим самые теплые, дружеские приветы. Не забывайте!

Ваш М. Булгаков

**Николай Асеев**

**МАЙСКИЙ ДОЖДЬ В СУХУМЕ**

Четвертые сутки уже  
продолжается дождь, дождь...  
За серой сеткой  
не видно ни моря, ни мыса,  
на горные дали  
навален туман сплошь,  
пронизана каплями  
мощная тень кипариса.

Вот так начинался, должно быть,  
всемирный потоп,  
попрятались люди и звери  
сушиться в каюты,  
по берегу капли тяжелые  
шлеп, шлеп...  
Но это ведь – майский,  
который дороже валюты!  
Пускай бы он землю  
до самых глубин оросил!  
Еще над колхозами  
небо раскинется синим,  
где чай и табак  
дополна набираются сил,  
где каждая капля –  
становится апельсином.

## Кероп Магакян

\*\*\*

Как постарели сухумчане!  
Их на скамейке клонит в сон,  
Зимой лодыжки греют в чане,  
Весной не ходят без кальсон...  
Уже в ребре не ищут беса,  
Его изгнал радикулит,  
Уже в окрестностях СОБЕСА  
Внезапно сердце заболит.  
Уже застолье всё реже  
Их манит шуткой тамады,  
Они вдыхают побережье  
И выдыхают: «Эй, гиды...»\*

## УТРО СУХУМА

Залатанные плечи телогрейки  
Обвили голуби признательным кольцом:  
Крошил им хлеб у парковой скамейки  
Седой старик с проклёванным лицом.  
Чудной моряк в поношенной тельняшке,  
Упрямо шёл, как флагман – впереди,  
Рвала гитара струны нараспашку,  
И стая чаек маялась в груди.  
За ним брели крикливые цыганки,  
Сбывая незатейливый товар,  
И табачок дымился спозаранку,  
В кофейне, где шаманил кофевар.

Уже костром потягивало с «Нарты»,  
Уже тянулись к морю старики,  
И доставая старенькие карты,  
Вставляли сигареты в мундштуки.  
Уже «ду – шаш», на утренней пробежке,  
Под кипарисом ввязывался в бой,  
И разминались шахматные пешки,  
И море просыпалось под прибой...

## СУХУМСКИЙ РЫНОК

На запах зелени нарядный,  
Под блеск лиловых баклажан,  
Проснулся рынок многорядный,  
Расталкивая горожан.  
Они и сами лезть готовы,  
Туда, где царствует хурма,  
Где громоздится ряд фруктовый,  
Где взор гурманит бастурма.  
Где строит глазки барабуля,  
То замирая то дрожа,  
У несговорчивой бабули,  
На грозном лезвии ножа.  
Где наряду со специй шиком,  
Такой душистой остротой,  
Острит абхазская аджика,  
Со всей крестьянской прямотой.  
Где местная копчёность сыра,  
И аппетитный вид турши,  
«Танцуют» всех курортниц мира,  
В СТРАНЕ распахнутой ДУШИ.

## ХАМСА

Как будто высохли все реки,  
И погорели все леса –  
Так сильно взволновались греки:  
«В Сухуме кончилась хамса!».  
«Всю рыбу выловили турки!  
Ищите в сейнере товар» –  
Помешивая кофе в турке,  
Бурчал армянский кофевар.

## Гэында Сақаниа-цха

### АКӘАЗЫ АШӘА

Акәа шкәакәа  
Сықәуп хәылбыгәха,  
Сбырлаш Акәа –  
Иқәыршәу акәара.  
Цныш еимхәыцны,  
Мшынхәда иахацсоу,  
Анцәа идыруеит,

Уа уәы ацстазаара зыцсоу!  
Ушарц гьама;  
Укаҳуа-цъбара афәы,  
Удақәа ирталоит,  
Унафәыхәазшәа афәы.  
Мшын мацәаз,  
Абырлаш шкәакәа зтоу,  
Акәа шкәакәа,  
Акәа сызкәыхшоу!

## Владимир Делба

\*\*\*

Для автора, как и для героя, с кем бы ни сводила их и куда бы ни забрасывала судьба, важным оставалось звучание той самой ностальгической струны, часто не дающей спать ночами. Которая, стоит только прислушаться на секунду к ней, возвращает мысленно в тот прекрасный мир седых гор, солнца, моря, любви и дружбы, имя которому – Абхазия.

В удивительный мир детства и юности. Сотканный из улыбок, смеха и тонкого юмора. Мир интересных книг, джазовой музыки и итальянского кино. Цветущей мимозы и созревающей хурмы, молодого вина, шумных веселых застолий с соблюдением традиционных ритуалов, с обязательными народными танцами и волшебным песенным многоголосьем.

С неспешным течением бесконечных разговоров о смысле жизни, о свободе творчества, о величии каждой человеческой личности.

Со смакованием, под шелест морских волн, кофе «по-сухумски» на «верхней палубе», или «верхотуре», как называли тогда террасу второго этажа ресторана «Амра». Среди ярких личностей, постоянно фрондирующей интеллектуальной элиты, нуждавшейся в свободном общении, не взиравшей на национальные, социальные, возрастные или религиозные различия.

И автор в очередной раз с восхищением и любовью снимает шляпу и преклоняет колено перед добрыми и

гостеприимными, шумными и веселыми, мужественными и стойкими, талантливыми своими земляками.

## КОНТУР НЕЯСНЫЙ СИНЕЮЩИХ ГОР

*(Фрагмент повести)*

Город же, на самом деле, как огромный корабль, медленно плыл в нежной жёлтой дымке мимозового тумана. Ибо склон горы был укрыт плотным покрывалом, сотканным из жёлтых, пушистых шариков мимозы.

Веточки деревьев, как живые, двигались в ритме загадочной мелодии, заданном невидимым Дирижером. И слышался, помимо неясных звуков музыки, тихий шёпот, будто вели деревья между собой восторженный, неспешный доверительный разговор.

И казалось, что не соцветия это, а сонм крохотных, только-только вылупившихся из яичной скорлупы, любопытных и суетливых жёлтых птенцов.

Андрей с детства считал цветение мимозы чудом.

Когда-то, совсем маленьким, но уже знающим азбуку, прочёл по слогам, в толстом журнале, лежащем на отцовском столе, фразу – «семь чудес света». Дождался отца и сходу выпалил:

– Что ещё за чудеса? Расскажи! Ну, пожалуйста.

– Просто рассказать о семи чудесах невозможно. – Ответил отец. – Их надо видеть. Потерпи до завтра. Я после работы зайду в библиотеку и поищу там рисунки. – А почему рисунки, а не фотографии? – Не унимался Андрей. – Потому что они не сохранились, памятники, называемые чудесами света, их давно разрушили, кроме одного. Но потерпи же до завтра.

Вечером следующего дня отец принёс несколько больших альбомов с цветными рисунками. Усадил мальчика

на колени и обстоятельно рассказал про каждый изображённый памятник.

Странно, но ни живой, образный рассказ, ни яркие цветные иллюстрации чудесных творений рук человеческих, не произвели на сына должного впечатления. Ни Великие египетские пирамиды, ни Галикарнасский Мавзолей, ни Александрийский маяк не вызвали тех эмоций, которые обещала интригующая фраза, набранная крупными буквами на журнальной странице.

Единственное, что запало в душу, так это – «висячие сады Семирамиды», причем не столько рисунок, сколько мелодичное поэтическое название.

– Ви-ся-чие сады Семи-ра-ми-ды! – Долго потом повторял про себя Андрей. В конце концов, забыл он о том мимолётном интересе к заинтриговавшей его фразе.

Вновь о висячих садах Андрей вспомнил спустя несколько лет. Гулял он с родителями в парке на Сухумской горе. И было ему приятно вдвойне, ибо обожал он гулять с родителями. А ещё ему очень нравилась архитектура «Фуникулёра».

Там действительно, когда-то обещали построить фуникулёр, то есть подъёмник, но, очевидно не хватило денег. Но само слово, название, понравилось, прижилось и стало привычным.

Да и сам парк стал очень популярен. Каскады лестниц из белого известняка, фонтаны, кинотеатр, ажурный павильон ресторана в псевдоклассическом стиле на вершине горы. Это и вправду впечатляло.

В тот вечер что-то произошло с освещением. На несколько минут вдруг погасли все фонари. Но продолжали ярко светить прожектора фонтанов и люстры ресторана.

Зрелище завораживало! Темень полностью поглотила очертания горы. Призрачно искрился под луной белый

камень монументальной лестницы, ведущей, казалось, из Ниоткуда в Никуда. И висели в воздухе, непонятно как, ярко освещённые фонтаны со сверкающими струями воды и павильон ресторана. И где-то там, далеко внизу, уютно переключались между собой мигающие, как майские светлячки, огни города.

– ВИСЯЧИЕ САДЫ СЕМИРАМИДЫ! – Восхищённо произнёс Андрей. Так Первым из Чудес Света стал для него «Фуникулёр», парк на Сухумской горе.

Вторым, безусловно, был светящийся шпиль Виллы Алоизи.

Этот величественный особняк, построенный купцом Иоакимом Алоизи в начале двадцатого века в экзотическом стиле, напоминающем мавританскую архитектуру, имел, как говорили местные жители, особый секрет, неразгаданную тайну.

Диковинные башенки дома были видны издалека, ибо стоял он высоко, на подножье горы Чернявского, той самой, где позже и был разбит парк.

Секретом же, загадкой было небольшое утолщение в верхней части шпиля одной из башен, венчающей здание. Ночами эта архитектурная деталь светилась. Тусклым, неярким светом, видимым только с одной точки в центре перекрёстка рядом с Виллой.

Неизвестно, из чего был изготовлен шпиль, но внутреннего источника света в нём точно не было. Можно было предположить, что свет отражённый.

Неуёмные жители города неоднократно пытались исследовать загадочное явление при разных внешних условиях. Но свечение упорно обнаруживалось и в безлунные ночи, когда небосвод был плотно затянут облаками, и тогда, когда отключали все ближайшие уличные фонари, то есть, когда не было чему отражаться.

В конце концов, чтобы поставить точку, «исследователи» официально объявили таинственное свечение чудом.

Цветущая мимоза была, очевидно, Третьим Чудом Света.

А Четвёртым можно было смело считать абхазскую осень, когда в кристально чистом, прозрачном воздухе, на фоне гор, подёрнутых синей дымкой, то там, то тут, загораются магическим оранжевым светом, как китайские фонарики, плоды несобранной ещё хурмы.

Когда давят виноград и витает над сёлами густой, ароматный дух, а во всех домах гостей уже угощают мутным, сладким и пенистым мачаром. Молодым вином нового урожая, неперебродившим пока, но уже хмельным и оттого коварным.

При желании счёт можно было продолжить, но и этих Четырёх Чудес доставало Андрею, так как самым Главным, самым Большим Чудом была для него сама Абхазия, его Родина, которую он с детства беззаветно любил. И, конечно, уникальный солнечный город, в котором повезло ему появиться на свет.

С возрастом любовь эта только усиливалась. Детская интуитивная восторженность красотами Абхазии, устоями, традициями, обычаями живущих здесь людей, их доброжелательностью и гостеприимством, уступала место не менее восторженному, но осознанному пониманию происходящего вокруг.

Эта земля была землей его предков, и сам он был плотью от плоти её.

Живя последние годы в Москве, вдали от Абхазии, он остро ощущал, как ему не хватает привычных с детства ощущений; любования природой, величественными пейзажами с буйной субтропической растительностью. Или, напротив, сдержанной, поэтической красотой осен-

них сёл со стыдливо жмушимися друг к другу потерявшими листву фруктовыми деревьями.

С упоением вспоминал он ежедневные летние походы на пляж, весёлые шумные компании сверстников, бесконечные белые песчаные берега и искрящиеся на солнце тёплые, ласковые волны моря. Уютно и деловито гудящие, зарывающиеся носом в волну, переполненные пассажирами катера, идущие на «медицинский» пляж в Синоп. И пешие возвращения домой всей «хеврой», через разомлевший от солнца город.

Посещения, по пути, маленького рынка у Красного Моста, где можно было, якобы прицениваясь к товару, бесплатно пробовать, без ограничения, всякие вкусности.

Торговцам были прекрасно известны маленькие хитрости ребятни, но они стоически переносили эти нашествия, принимая правила игры, и не отказывая юным «покупателям».

В более зрелом возрасте полностью раскрылось Андрею и очарование тёплой, как правило, сухумской зимы.

Когда яркие солнечные, безветренные дни вкупе с медлительным полусонным ритмом располагали к созерцательности, философскому осмыслению жизни и длительным, неспешным разговорам за чашечкой ароматного кофе «по-сухумски» в одной из кофеен города.

Правда, неспешные разговоры очень часто сменялись крайне эмоциональными и шумными спорами, если речь шла, к примеру, о футболе.

А когда ласковое солнце уступало место затяжным зимним дождям, Андрей менял стиль своих отношений с городом. Невзирая на насмешки сверстников, надевал длинный плащ, отцовские калоши и брал с собой на улицу один из нескольких зонтов – тростей, висевших на стене в кладовке.

Будучи таким образом защищённым от внешних воздействий, шёл на набережную, к гостинице «Рица». Уходил в дальний край малого причала, предназначенного для небольших прогулочных теплоходов, и подолгу стоял под зонтом, любуясь панорамой прибрежного бульвара.

В такие дни небо обычно было укрыто низко висящими облаками, скрывающими, частично или полностью, далёкую горную гряду и Сухумскую гору, нависавшую над самим городом. Город погружался в жемчужно-серый загадочный полумрак, струи дождя «размывали» контуры зданий и деревьев, подчеркивая состояние загадочности.

В небесах шла непонятно кем затеянная борьба. Тёмные тучи спорили со светлыми облаками, сталкивались, распадались на мелкие клочья и собирались вновь, чтобы тут же столкнуться в новой баталии. Часть их степенно и медленно плыла над городом, другая возмущенно клубилась, стараясь пронестись с завидной скоростью над крышами домов, почти задевая их.

Море, такое же свинцово-серое, часто возмущенно ворчало, гоня к городу беспокойные волны, вал за валом. У самого берега, растеряв силу, волны вскипали обильной, остро пахнувшей йодом, пеной.

Созерцание игры природы действовало на Андрея как допинг, держа его постоянно в восторженном и эмоционально активном тоне, и, одновременно умиротворяюще, отводя тревогу и страхи, отторгая любую негативную энергию.

Конечно, приходилось наблюдать с причала и совсем другое состояние природы.

Когда совершенно спокойное, одинаково серое небо бесшумно опускало на дома и безмолвную серебристую

поверхность моря прозрачную, ровную пелену мелкого дождя.

Когда не было ветра, на пустом безлюдном причале стояла полная тишина, и казалось, что и на приморском бульваре, да и во всём городе нет сейчас ни людей, ни машин, ни собак, ни кошек, ни птиц. И никаких звуков, кроме едва слышной песни Поля Анки или Далиды из радиоприемника, стоящего в чьей-то лоджии.

А ещё Андрей любил, уже после дождя, подниматься пешком на Сухумскую гору. Ибо именно после дождя свежий и влажный воздух был буквально напоен пряными ароматами экзотических деревьев и кустов, высаженных вдоль дороги.

Он всегда чувствовал себя комфортно в своем маленьком уютном городе, с его многоликостью и многоязычием. Когда различия в религии и обычаях не противопоставляли людей, а наоборот, создавали удивительный сплав дружелюбия и толерантности. Когда уважение к старшим, гостеприимство и взаимоподдержка являлись бесспорными ценностями для всех жителей города. Ну и, конечно, чувство юмора.

Каждый приезд в Абхазию «активировал» стандартную программу действий. Ритуалы были просты, но обязательны.

В первом пункте повестки было указано посещение с друзьями детства ресторана «Нартаа» на набережной. Там прекрасно готовили «пинерли», пироги с сыром по аджарскому рецепту.

После «Нартаа» следовало перемещение на открытую террасу второго этажа другого ресторана – «Амра», называемую, с лёгкой руки Фазиля Искандера – «Верхней палубой». Там, помимо отличного кофе «по-сухумски» был обеспечен прекрасный вид на бульвар.

«Амра», к тому же, была местом регулярных встреч городской творческой интеллигенции. Андрей дружил со многими молодыми учёными, актёрами, художниками и поэтами. И радовался редким, увы, после переезда, встречам.

Этот маршрут был обязательной и очень приятной традицией.

## Евгений Евтушенко

### МОРЕ

«Москва – Сухуми»  
мчался через горы.  
Уже о море  
были разговоры.  
Уже в купе соседнем практиканты  
оставили  
и шахматы  
и карты.  
Курортники толпились в коридоре,  
смотрели в окна:  
«Вскоре будет море!»  
Одни,  
схватив товарищей за плечи,  
свои припоминали  
с морем встречи.  
А для меня  
в музеях и квартирах  
оно висело в рамках под стеклом.  
Его я видел только на картинах  
и только лишь по книгам знал о нем.  
И вновь соседей трогал я рукою,  
и был в своих вопросах  
я упрям:  
«Скажите, – скоро?..  
А оно – какое?»  
«Да погоди,  
сейчас увидишь сам...»

И вот – рывок,  
и поезд – на просторе,  
и сразу в мире нету ничего:  
исчезло все вокруг –  
и только море,  
затихло все,  
и только шум его...  
Вдруг вспомнил я:  
со мною так же было.  
Да, это же вот чувство,  
но сильней,  
когда любовь уже звала,  
знобила,  
а я по книгам только знал о ней.  
Любовь за невниманье упрекая,  
я приставал с расспросами к друзьям:  
«Скажите, – скоро?..  
А она – какая?»  
«Да погоди,  
еще узнаешь сам...»И так же, как сейчас,  
в минуты эти,  
когда от моря стало так сине,  
исчезло все –  
и лишь она на свете,  
затихло все –  
и лишь слова ее...

1952

## **В. П. Пачулиа**

### **РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ В АБХАЗИИ**

*Издательство «Алашара», 1980*

За 60 лет Советской власти в Абхазии побывали многие выдающиеся советские писатели из всех республик и краев нашей необъятной Родины, особенно из России. Так, в первые же годы новой власти в Сухуме побывали Константин Паустовский, Василий Каменский, Константин Федин, Александр Фадеев, Вячеслав Шишков, Сергей Есенин, Исаак Бабель и другие, а в 1929 году Горький и Маяковский. В 1930-х годах в Сухуме гостит целая группа русских советских писателей во главе с Михаилом Шолоховым. Встреча писателей с абхазскими собратьями по перу состоялась в доме отдыха «Азра», ныне в здании, занимаемом Абхазским филиалом института курортологии и физиотерапии Академии наук Абхазии...

Со стороны Абхазии встречу возглавлял Самсон Чанба, который на тот момент был не только видным писателем и драматургом (автором пьесы «Амхаджир»), но и занимал пост председателя ЦИК Абхазии. Самсон Чанба и Нестор Лакоба были ключевыми фигурами, связывавшими абхазскую культуру с русской литературной элитой до трагических событий 1937 года, когда оба были репрессированы.

## Мариэтта Шагинян

### ТКВАРЧЕЛЬСКИЙ УГОЛЬ

*Памяти моей матери*

Глава 3. Ведомственные тайны,  
или Колумбизм и робинзонство

#### 1

Хорошо жить в Сухуме, особенно осенью. На перекрестках преют каштаны над душным теплом жаровен, прикрытые влажными тряпками.

Густой табак, словно чайный настой, суховатый, мешается с соленым запахом набережной. Солью и ветром пахнет легкая парусина на балконе. А ночью – тихие глаза пароходов, неподвижно опрокинутые в воду, и плеск флейт из беседки, освещенной изнутри, как раковина.

Звуки музыки тоже пахнут морем, – к морю подходят простая, грубая флейта, духовые инструменты, усердные музыканты, опрокидывающие после игры свои горластые трубы, чтоб вытряхнуть из них слюну. И грустное «ру-ру-ру» флейты улетает в соленом ветре, как усилие морского прибора.

Тихо жить в Сухуме, даже рекламы здесь тихи, как утопленники: они вырастают прямо под ногами, на асфальте; их меловые буквы обращены лицом вверх и напоминают плывущего на спине купальщика. Их топчут, и немота их бездейственна, потому что в Сухуме вряд ли гуляющий смотрит себе под ноги.

Вкусно жить в Сухуме: белые домики благоухают провинцией, и нет лысых домов, а каждый еще густоволос от

винограда, плюща, перьев хамеропсы, глициний, остролистника, над каждым – зеленые кроны деревьев; и лежат домики рядом, словно дорогие яблоки, завернутые в отдельные зеленые бумажки.

Но заглянем под крыши этих домиков, так ли уж спокойно в них? В Сухуме, как нигде, множество развороченных и разбуженных воздухом начавшегося строительства людей.

Бросив кустарничество, мелкие промыслы, домашний быт, эти люди страстно хотят работать. Они страстно хотят, чтоб начали, наконец, осуществлять индустриализацию, чтоб вобрали, переделали, пересоздали остатки патриархального феодализма в Абхазии, маленькой стране с богатейшими промышленными возможностями. Условный ее рефлекс на работу несколько раз создавали и перешибали: возникло и затормозилось табачное производство (целый ряд табачных фабрик закрыт, и превосходящее сухумское сырье вывозится из Абхазии); возникла и затормозилась деревообделочная промышленность (фабрика в Сухуме бездействует, фабрика возле Гагр работает недостаточно); начата постройкой и заброшена необходимая для края Черноморская железная дорога; четыре года начинались и всякий раз переживали критические периоды торможений изыскания в Ткварчели (в Ткуарчале). Понятно, что это нервирует население.

Подсев за ваш столик в кафе, черноусый мингрелец – безработный в красивом башлыке над орлиным профилем, неуверенно спрашивает, скоро ли будут строить порт. Сам-то он не портовый рабочий и даже не строитель и, вообще, не член союза, хоть и состоит на бирже.

И очарование Сухума начинает казаться вам чем-то вроде дремоты на экзамене, когда хочешь посплохивать себе ресницы, только бы не слиплись они и не прозевали

вы в сладком обывательском туризме основных уроков нашей республиканской экономики. Получить эти уроки можно тут же, в Сухуме: подалее, на набережной, между кофейнями, маленький домик отдан под самое нервное ведомство, под совнархоз. Здесь каждая комната посвящена особой хозяйственной отрасли, и по списку отделов вы сразу узнаете сумму промышленных возможностей Абхазии. Среди них главное место занимает т кварчельский уголь.

1929

## Александр Бардодым

### ПИСЬМО АБХАЗСКИМ ДРУЗЬЯМ

Заскучать. Взять билет небрежно...  
Холод. Поле аэродрома.  
И увидеть, как в жизни прежней,  
Зиму, горной тропы изломы.

Здесь печаль не имеет веса...  
Эхо звонкое над деревней  
Разольется дождем по лесу,  
Над глубинами башни древней.

Ты спускаешься. Вечер синий,  
Тени тонки, как балерины,  
И закружится хрупкий иней  
На густых листах мандарина.

Море свежее, в даль открыто...  
На причале замри и слушай  
Как волна, словно хищник сытый,  
Осторожно коснется суши

И крадется на пышных лапах...  
Ты почувствуешь – это свобода...  
Мандарина оранжевый запах.

*Январь 1992 г.*

## ЭТЮД

Над холмами спит сирень.  
Дремлют боги.  
Синевой отскочит день  
От дороги.  
А в пыли огромных туч  
Ярким светом  
Золотой сверкает луч,  
Как монета.

1983

Отчего так прозрачны дни?  
Ясно видишь в любимом взоре  
Уходящие в даль огни  
И тоски голубое море.

1983

## ЭТЮД УХОДЯЩЕГО ЛЕТА

Раскалилась черепица  
И трещат по травам трели.  
В бочках меда липкий полдень  
Пошевеливает хмелем.  
Было, не было ли, полно,  
Лето кончилось и слито,  
Лишь, шурша, ошепчут волны  
Деревянное корыто.  
Сохнут листья. Крепче меда  
Смутный запах на полянах.

1985

## Николай Патулиди

### ПЕТУХ

Горласто и яро  
В сухумской ночи  
Немолкнущий хор  
Петушиный звучит.  
Приезжим не спится,  
Таращат глаза:  
«Проклятая птица!  
Вот бог наказал!»  
А я усмехаюсь  
И – наоборот –  
Заснуть не могу,  
Коль петух не поет.  
К истошному ору  
Привычен мой слух.  
Да здравствует ночью  
Соседский петух!

1987

*(из сборника «Сухумские Мотивы», Москва 2005)*

## Анатоли Лагәлаа

### АКӘА, УМШӘАН!

Хнеиуеит Акәа, амџа ҳақәуп,  
Ус унҳажьыз цьумшьан.  
Уа ухақәйттәра уалны иҳадуп,  
Хухәоит, Акәа, умгәырџан.  
Ахацәа гьеџкәа Гәымста инырны,  
Уа рыбжьы җаца раҳар,  
Акәа, указааит идырны,  
Ишамуа, ҳаҗацәа мырҳар.  
Амца хәйтқьан еибакыргы,  
Акәа, итымыпсааит угәы.  
Утцеицәа ирычҳаит уажәшьта акыргы,  
Аҗа иртәроуп ихәы.  
Рапхьа дгылоуп аҗсуа хатца,  
Ачеченгы уи дихьзоит.  
Ақабардагь иеимаа атца,  
Дыдратцас, абар, игоит.  
Ауапс ахытқәкьагь дазынкылом,  
Уи диапқыкьоит аказак.  
Арахь адыгагы даангылом,  
Мап, даанымхеит ҳа хтынхак.  
Җақкәынцәа зегь ршьа аауроуп,  
Акәа, иуқәызтцаз зхы.  
Җаҗа иаанхо инауроуп,  
Ахы ташәароуп игәахы!  
Хнеиуеит, Акәа, амџа ҳақәуп,  
Ус унҳажьыз цьумшьан.  
Иахьа иахшәоит ауал иҳақәу,  
Хтцеицәа гылеит, Акәа, умшәан!..

## Евгений Гуров

### ЭТЮД. СУХУМ. ЗИМА

Бризом соленым  
город оваян.  
Кофе паленым  
тянет с кофеен.  
Став на приколе  
в круге почетном,  
старцы мусолят  
годы, как четки.  
Съеден прибором  
край парапета.  
Камню покоя  
вечного нету.  
Груды моллюсков  
окаменевших,  
тверди молюсь  
я вашей нездешней.  
Очень уж явны  
признаки тленья...  
Кто-то пристанет  
к пьющим портвейн  
утром, у стоек  
неряшливых, грязных,  
с следом беспечным  
тех, кто уверен,  
что утро вечера  
не мудренее...  
Сердце присело

у изголовья:  
– Что будем делать  
с этой любовью?  
Здесь, у Беслетки,\*  
смею ли знать я,  
кто ты – бессмертье?  
Или проклятье?..  
Стану ли слепком?  
Стану ли светом?  
Землю наследую ль  
В полночи века?...  
Хлам многоликий  
Выплеснет море,  
К жертве великой  
Лоно готова.

1977

(из сборника «Сухумские Мотивы», Москва 2005)

## Константин Симонов

### ЭТЮД АБХАЗИИ

Мне постоянно снятся  
Абхазии хребты,  
Где воды с гор струятся,  
Спадая с высоты.

Там будто бы жар-птица  
Среди высоких гор,  
Лазурью блещет Рица –  
Царица средь озёр!

Морской нектар Пицунды,  
Хрусталь шальной волны,  
Промчатся как секунды,  
Те дни, что чувств полны.

Пещерами Афона  
Я очарован вновь,  
И храма перезвона,  
Что будоражит кровь!

По Гаграм поблуждаю,  
В Сухум заеду я,  
Твой аромат впитаю  
Абхазия моя!

1950

## Леварса Квициния

### АКВА

Сухуми, Аква – город мой,  
Простясь увы! – со всеми,  
Прохладу моря, летний зной  
Оставлю я на время.  
Зеленых рощ твоих уют  
На время я покину.  
Прочь от тебя меня влекут  
Серьезные причины.  
Но я вернусь чрез краткий срок,  
Как сын к отцу родному,  
К тебе, о, сил моих исток!..  
Лишь тут я, вправду, дома!..  
Вернусь... И словно бы Антей,  
От радости немея,  
Вновь прикоснусь к земле твоей  
И стану тотчас же сильней,  
И станешь ты сильнее.

1933

*Перевод Ю. Нейман*

### АПСНЫ

Пусть я далек от скал высоких  
И от рек твоих бурлящих,  
И от волн морских – кипящих,  
По садам твоим пусть не гуляю,  
Но, тебя, Апсны

Я вспоминаю!  
По красоте твоей скучаю,  
Улыбкой светлой привечаю!  
Сухум, красавец часто снится...  
Ты в небесах мелькнешь, как птица,  
Апсны, страна моя родная,  
Тебя душой я обнимаю!

*Перевод Владимира Зантариа*

## Шалва Цвижба

### СУХУМСКИЕ ПЛАТАНЫ

Растут платаны в городе Сухуме,  
Их саженцы здесь посадили мы,  
И в уличном движении и шуме  
Они пока еще совсем малы.  
Они большими вырастут не скоро.  
Пройдут года... Не станет в мире нас...  
Но в день, когда жара дохнет на город,  
Они раскинут тень свою для вас.

1962

*Перевод А. Передреева*

## Из книги В. П. Пачулиа

### «РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ В АБХАЗИИ»

Известный советский поэт Сергей Смирнов родился в Ялте. Книга его стихов «Таврида – родина моя» является творческой данью поэта родному краю.

В Абхазии же Сергею Смирнову хотелось побывать давно. Но это удалось ему сделать лишь в 1940 году, когда он вместе с группой студентов – выпускников Литературного института имени А. М. Горького отправился пешком в поход по местам странствий Алексея Пешкова. «Нам захотелось узнать свою родину поближе, – рассказывает Сергей Смирнов, – померять ее просторы своими шагами, а потом написать обо всем увиденном, услышанном и пережитом стихи и рассказы от первого лица...» Путь молодых землепроходцев начался от города Горького, они по Волге, Дону, через Украину, а затем от Одессы до Крыма, из Керчи переправились на Кавказский берег. В Туапсе молодые путешественники приняли решение держать путь – дорогу по берегу Черного моря, на Сухум. Легко одетые, шагали они по земле и радовались тому, что «осень, следовавшая по пятам, отстала от них и осталась за проливом в Крыму. Мы, как очарованные странники, любовались окрестными красотами, а они разворачивались перед нами одна другой краше, солнце Закавказья добавляло нам загара, море смывало нашу усталость. Мы устраивали краткие привалы в самых живописных местах, и снова в путь среди садов и виноградников, сквозь непролазные стены лесных просторов, с диковинными деревьями, названия ко-

торых были неведомы. Мне особенно памятна встреча с реликтовыми соснами Пицунды. Подумать только – ты делаешь привал под лапчатами ветвями деревьев, с какой-то необычно крупной и длинной хвоей, а рядом Черное море. Оно шумит и в тон ему тоже шумит, на свой лад, хвойное море этих загадочных сосен, самых древних на побережье, пришедших в сегодняшний день из доисторических времен.

Никогда не забудутся та стокрасочная осень и дни нашего визита в Сухум. Город белого камня и вечной зелени.

Слоновьи ноги пальм и вечно молодые опахала пальмовых крон, торжественность колоннообразных кипарисов, кусты роз, еще не опаленные холодом. А может быть здесь вообще не бывает губительных холодов? И, конечно, же, очень и очень памятно для нас радушие сухумцев. Наши путевые стихи и прозаические зарисовки незамедлительно были взяты в газету и на радио, со всех сторон посыпались предложения выступить в санаториях и домах отдыха».

В годы Великой Отечественной войны молодой поэт Сергей Смирнов добровольцем отправился на фронт защищать Москву. «В суровых фронтовых землянках, рядом с героями создавал С. Смирнов свои стихотворения, баллады и песни...» (1). Тогда погибли все его довоенные дневники и записи, в том числе и данные об Абхазии. В 1954 году Сергей Смирнов в составе делегации московских писателей приезжает в Сухум на празднование 80-летия со дня рождения патриарха абхазской литературы Дмитрия Гулиа. «Еще в поезде, – отмечает Сергей Смирнов, – сочинили мы поздравительное стихотворение – «Что такое 80 лет», расписались под ним, а потом торжественно вручили его юбиляру. Нас по-

разил Дмитрий Гулиа своей статностью, радушием и, в то же время каким-то особенным, орлиным, что ли, горским достоинством, которое дается огромной жизнью, душевным огнем и конечно же высокими итогами творческого труда, ставшего достоянием всего советского народа. И мы любовались им, восьмидесятилетним старейшиной нашей поэзии. Все сердца и мысли были обращены к нему. Перед нами был не старец, а именно старейшина... Все присутствующие улыбались друг другу и все вместе адресовали сноп улыбки поэтическому патриарху Дмитрию Гулиа. Казалось, что он неподвластен гнету лет и десятилетий, что жить и творить ему до окончания нынешнего века, и на радость людям, перейти впоследствии в следующий век, и здравствовать в нем, как поэт и старейшина поэтов. Всем известно, что Абхазия – это земля самых редкостных долгожителей.. И наконец мое третье свидание с Абхазией. Осень 1979 года. Я по творческой путевке еду на юг. Поезд всю дорогу мчался сквозь осень и как бы старался убежать от нее, а в Гагры прибыл ранним утром, еще затемно. Расторопный абхазец – таксист усаживает меня в машину и марш вперед, навстречу рассвету. На фоне заревого неба мелькают силуэты домов и деревьев. И вдруг впереди стеной встает синее, синее море. Здравствуй, Черное море! – воскликнул я не вслух, а всем своим существом. Здравствуй, мое и наше, Черное море! Ведь ты же родина моя! Ведь я же родился на твоём берегу, в благодатном городе Ялта.

Машина с необычной, по московским нормам, скоростью примчала меня к широкоплечему дому – дворцу, чье многоэтажное пламенело от раннеутренней зари. Я вошел в здание и первым, кто встретил меня в вестибюле, был длинноусый и мудроглазый Дмитрий Гулиа. Он смотрел

с огромного портрета на приехавшего и всем своим видом выражал памятное мне: «Добро пожаловать!..».

Как беспощадно, как быстро мчится время. Как все меняется. Если в прошлый визит я был гостем в доме поэта, то теперь я стал гостем дома творчества имени Гулиа. Сколько чувств, сколько раздумий нахлынуло сразу...

На втором этаже, обращенном одновременно к морю и полукружью гор, обрел я в этом именно поэтическом доме просторную комнату со всеми современными удобствами и с первого же утра встретил с балкона восход солнца.

Именно здесь мне пришла задумка написать букет лирических стихов под общим названием «Один на один». А замысел полонил воображение: один на один с морем, один на один с землей Апсны, обнимающей мое Черное море, один на один с собственными раздумьями о жизни, со своим возрастом и жизнью. Нет, над таким замыслом следует поработать с полной отдачей сил...

И я начисто отмежевался от ленивого времяпровождения на пляжном лежбище, от бесцельного разгуливания по живописным окрестностям, от интересных коллективных экскурсий, старательно запланированных для приезжающих сюда гостей, отказался даже от посещения чуть ли не ежевечерних киносеансов, и, видимо, потерял много ценного из-за такого решения. Но мы остались с морем и землей Апсны один на один и стали работать, и нам, кажется, успешно работалось.

А в заключение еще одна немаловажная деталь. Мне по состоянию здоровья противопоказаны сладости. Но как удержаться от того, чтобы не отведать налитых гроздей местного винограда, полных сока и аромата даров сада; как пройти мимо целебного абхазского меда, когда на своем этаже, я сквозь могучий гул моря как бы слы-

шал кропотливое гуденье каждой пчелы, мыслимо ли отказаться от веселящей хмелинки абхазского вина, или от бодрящего настоя здешнего чая. Весь этот букет щедрости Аpsны восхищал меня и я в минуты отдыха отдавал ему заслуженную дань. И – опять за работу. Здесь так плодотворно работается, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Спасибо тебе, Абхазия, за бескорыстное соавторство. Мы вдосталь побеседовались с морем, впереди духовное собеседование с сушей, с твоей несказанной красотой, с твоими людьми.

Итак – продолжение следует!

## Станислав Лакоба

Из книги «КРЫЛИЛИСЬ ДНИ В СУХУМ-КАЛЕ...»

*Историко-культурные очерки (2023)*

«...Молодые волны старого моря наступали на древнегреческие и римские города. И хотя неприятель уже ворвался в Диоскурию, Гюэнос и Питиус и захватил отдельные улочки – они продолжали неравную битву, сдерживая осаду свирепого войска. «Старой сказкой, старой песней, старым вековым бытом овееяна, оплетена Абхазия, – писал Стражев. – Камни развалин густо раскиданы по ней – летопись тысячелетий! Море грызло ее берег – смывало и топило улицы и башни древних приморских городов». Не только Античность, но и Средневековье, Новое время – все интересовало поэта: «...Отвластовал воинственный Рим, державший по всему взморью свои сторожевые гарнизоны, – обронил в землю монету Цезаря и медный шлем солдата. Была и пробыла Византия – обрушились стены ее храмов, башен, крепостей. Возникло и пало двухвековое царство царей абхазских, отошла державная рука грузинских Багратидов, отторговали генуэзцы, закатилась власть турецкого полумесяца – остатки, обломки могилы, смутная память. Дожила свой век феодальная Абхазия, умер в далеком Воронеже последний владетельный князь. Стояла на берегу императорская Россия полвека...»

## «ЖИВЕМ В ГЕНУЭЗСКОМ ПЕРЕУЛКЕ...»

### *Сухумский ренессанс*

Поэт Василий Каменский любил говорить: «Сухум замечательный город, там даже в бурю тишина». Буря семнадцатого года, Гражданская война сделали это свойство неоценимым. Вся Россия гремела. Здесь – было тише, спокойнее. В Сухум-Кале не было холода, голода и массового кровопускания. В Сухум-Кале плескалось теплое море, светило солнце, по-прежнему продавали рахат – лукум, подавали чай с каштанами и дымились кофейни, прикрытые садами цветов. Природа и местная традиция сглаживали эксцессы общественно-политической жизни. Так море зализывает острые камни. Революция. Искания. Скитания. Скитания великих поэтов, режиссеров, художников по осколкам бывшей империи. Окраины превращались в центры русской авангардной культуры. Смещался ее акцент. Происходил отток лидеров литературы и искусства в Крым, Тифлис, Батум. Одной из таких культурных окраин стала Абхазия, город Сухум-Кале. Художники бегут к морю, потому что море – свобода.

\*\*\*

наземь  
уверенного седока  
где-то скачет кочевник  
табунами копыт  
в колчане его туча  
скучающих стрел  
там так стареет широтою степь  
что пульса своего не слышно

там устают идти часы  
там проплывает облако  
и день становится длиннее.

\*\*\*

вытерев ноги о слов росу  
в меня словно в дверь  
вошел Лао – цзы  
встречаюсь с ним  
и не вижу лица его  
следую за ним  
и не вижу спины  
все слова унесла река  
и голос звериными тропами  
охотился в одиночестве  
прозрачные слоны  
несли каштановые рощи

\*\*\*

цветущего молчанья  
роняли листопады слез на каменные склоны  
из ног выстраивая  
ступы многоликих будд  
я слышу  
медленно как миг  
вбегает в мою душу муравей  
чья тень с утра торопится к закату

\*\*\*

уйти  
уйти в себя как в горы

бежать с волками  
пить ночное небо  
и глотку пустоты с волчицею терзать  
одеться в снег  
чтоб затерялись ноги  
и растворился человеческий след  
сквозь перевал дождей  
войти в пустынный храм  
и слиться с беспредельностью  
простора

## И. Новодворский

### В СУХУМСКОМ КАФЕ

Среди больших и малых луж  
Столов сверкает мрамор гладкий.  
Кричит кофейщик – «мек ануш!»  
Что в переводе значит – «сладкий».

Мелькает в воздухе поднос,  
Звенит дымящаяся чашка.  
Измазал в гуще острый нос  
Какой-то грек, вздыхая тяжко.

На полке дремлет шоколад  
Так соблазнительно и мирно.  
Над ним цена «Рубль шестьдесят...»  
– Нет, рубль шесть гривен – это жирно..!

Войдя в неистовый азарт,  
Стуча в волненьи кулаками,  
Два человека подле нард  
Шипят все время индюками.

Чтоб уплатить, – гляжу в карман,  
А там – унылые просторы.  
Ложится на поля туман  
И, разумеется, на горы...

Однообразен моря шум,  
Однообразны дни и лица...  
О, ослепительный Сухум,  
Скажи, ты Ницца иль не Ницца?

*1928*

## Владимир Зантариа

Из Книги «ДВЕРЬ, ПРИОТКРЫТАЯ ВО ВЧЕРА»

*Роман-воспоминание / Владимир Зантариа* –

*Сухум: Абгосиздат, 2024*

\* \* \*

... Летом 1986-го, в Союз писателей Абхазии из иностранной комиссии Союза писателей бывшего СССР поступила неожиданная телеграмма с вестью о том, что к нам едет со своей супругой Клоэттой Ивон всемирно известный английский писатель Грэм Грин. Популярность автора многих нашумевших бестселлеров в то время буквально зашкаливала. И в Абхазии, которая, кстати, никогда не была периферией, люди были достаточно наслышаны о нем. Думается, что этому в чем-то способствовали и удачные экранизации его лучших вещей. Прочитав столь сенсационную «депешу» в приемной руководителя нашей писательской организации и как бы подспудно входя в роль собеседника нашего гостя, я мысленно представил себе интересные и деликатные моменты предстоящего знакомства. Разумеется, мои преждевременные предвкушения были сопряжены и с некоторыми волнениями («все-таки, это мировая величина» и выдерживать уровень общения с ним будет не легко...»). Через несколько минут по этому поводу, как и ожидалось, пригласил меня к себе в кабинет известный поэт и общественный деятель Алексей Джонуа, возглавлявший в то время Союз писателей. Несмотря на солидный возраст, он был человеком весьма энергичным, подвижным, отличавшимся

своей природной дипломатичностью и элегантностью. Подтянутость, офицерская выправка писателя – фронтовика, убеленного сединой, его приветливость, открытая и добрая улыбка были своего рода визитной карточкой для нашего творческого союза, пользовавшегося достаточной известностью и в зарубежных литературных кругах. – Дорогой Владимир, ты, наверное, слышал, что завтра тебе придется ехать в аэропорт?! К нам прибывает писатель Грэм Грин с супругой. Их сопровождает известная переводчица из Москвы. Посели гостей в гостиницу, дай им немного отдохнуть, а обо всем остальном поговорим потом, – сообщил Алексей Несторович с заметным волнением, стараясь лишний раз подчеркнуть политическую значимость события. Он был человеком весьма ответственным и подчас даже об обыденных делах любил говорить с подчеркнутым пафосом, а тут еще такая неординарная ситуация, как неожиданный приезд знаменитого англичанина. – Все будет отлично, Алексей Несторович, – можете не переживать, встретим как положено, по всем требованиям нашего абхазского протокола! – произнес я с еще большим пафосом, будучи внутренне уверенным в том, что и на сей раз нам удастся что-нибудь сымпровизировать в духе и в стиле предыдущих авральных приемов. Моя уверенность подпитывалась тем, что нас в таких случаях выручала абхазская деревня, где это дело было давно налажено. Застолье готовилось буквально экспромтом, стоило лишь успеть передать весточку первому подвернувшемуся председателю колхоза хотя бы за несколько часов до приезда гостей. – Но имей в виду, что «красные» будут следить за ним. Они сказали, что все встречи должны проходить строго по протоколу... – предупредил меня мой шеф, произнося эти слова, как бы вполголоса, стараясь придать разговору в кабинете

чуть ли не конфиденциальный характер. Сначала мне показалось, что это – излишние предостережения, но вскоре понял, что опасения моего многоопытного руководителя были небеспочвенны. Хотя в стране уже происходили определенные перемены, связанные с горбачевской перестройкой, идеологические стереотипы еще были сильны. КГБ не выпускало из поля зрения представителей так называемого «враждебного капиталистического лагеря». Тем более, что и местные спецслужбы были достаточно информированы не только о литературной, но и разведывательной деятельности ожидаемого гостя. В таких случаях особое усердие и бдительность проявляли на периферии. Почти два часа после прибытия самолета из Москвы в Сухум, нашему гостю, которому шел тогда 82-й год, пришлось сидеть в томительном ожидании своего багажа. Несмотря на некоторую завуалированность действий «сотрудников» аэропорта, по их заметной суете, подозрительным взглядам и перешептываниям нетрудно было догадаться, что в каком-то закрытом помещении аэровокзала шел тщательный досмотр вещей («Авось, какую-то контрабанду обнаружат! Помните у Гейне: «Контрабанда у меня в мозгах...») Мои попытки разобраться в причинах происходящего оказались тщетными. Чувствовалось, что щепетильность ситуации, некоторая суета за ширмами зала ожидания вызывает у самого Грина определенный внутренний дискомфорт. Видимо, разыгрывавшие этот «фарс с чемоданами» не понимали, что имеют дело не с рядовым, а с профессиональным английским разведчиком. Но мэтр старался сгладить все своей интеллигентной, джентльменской сдержанностью, улыбкой человека широкого душевного обаяния... Для того, чтобы как-то скоротать время и отвлечь гостей от происходящего, я предложил им выпить

по чашечке кофе, на что они охотно согласились....И вот, наконец-то привезли вещи. «Сотрудники» аэропорта попытались как-то невнятно объяснить нам причины задержки. Мне надолго запомнился красивый, большой светло – коричневый чемодан Грэма Грина... Похоже, из крокодиловой кожи... Уже через несколько минут мы сели в белый «интуристовский» микроавтобус и двинулись в Сухум.

## ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ ПЕРВЫХ БЕСЕД С МАСТЕРОМ

Стоял ясный летний день. По пути в город наш гость любовался роскошной растительностью, своеобразным рельефом природы, ухоженными цитрусовыми и апельсиновыми плантациями. Я заметил, что Грин время от времени наблюдал за местными жителями, стоявшими на обочинах шоссе и мирно о чем-то беседовавшими. Было заметно, что эти картины доставляли писателю большое удовольствие (незнакомая страна, незнакомые люди, диковинная природа, быт...), и я попросил нашего водителя ехать насколько возможно медленнее. Спокойным, располагающим тоном Грэм Грин изредка задавал вопросы, связанные в основном с историей, этнографией, традициями нашего края. Я старался дать обо всем хотя бы общее и правильное представление. Помню, он поинтересовался количеством населения Сухума. Я сказал, что Сухум – маленький город, население его чуть больше 120 тысяч. Однако Грина ничуть не смутила цифра, он заметил, что город с таким населением – отнюдь не маленький. Сопровождавшая писателя известная переводчица современной американской литературы Татьяна Алексеевна Кудрявцева очень тонко и вежливо

(как бы щадя меня), сглаживала некоторые шероховатости (по крайней мере, мне так казалось) моих ответов на его вопросы. Я знал Татьяну Алексеевну по ее блестящим переводам произведений Маргарет Митчелл, Джона Апдайка, самого Грэма Грина и ряда других мастеров современной американской и английской прозы. Она же была автором или соавтором перевода на русский язык произведений Диккенса, Голсуорси и других знаменитостей. Изредка вступала в разговор супруга писателя – седовласая женщина небольшого росточка, хрупкая, обаятельная, подвижная, умевшая поддерживать атмосферу общения, трепетно вслушиваясь в каждое слово, но при этом как бы скромно и совершенно незаметно оставаясь в тени своего любимого мужа. Грин представлял ее как свою ближайшую сподвижницу...

## ГРЭМ ГРИН И ПРОСТЫЕ СУХУМЦЫ

В ресепшн небольшой, но уютной сухумской гостиницы «Лица», носившей в начале XX века не менее привлекательное название «Сан-Ремо», нас встретил ее директор, известный своим гостеприимством и блестящей игрой в бильярд Роман Агрба. Он мило поприветствовал высоких гостей и лично сопровождал их на второй этаж, в номера. Грин остался доволен. Из окна его номера открывался живописный вид на шумную сухумскую набережную. Рукой было подать и до той самой «брехаловки», на которой многие известные писатели, наслаждаясь ароматом черного кофе, успевали уловить и мысленно застенографировать звучащие из уст завсегдатаев кофейни колоритнейшие сюжеты для своих будущих занимательных рассказов. Помню, про-

стые сухумцы и отдыхающие, заинтригованные столь неожиданным для них появлением выдающегося писателя на сухумской набережной, начинали, взволнованно перешептываясь, вспоминать о нем по наиболее популярным его произведениям. Тогда у многих были на слуху «Тихий американец», «Наш человек в Гаване», «Комедианты», «Почетный консул», «Суть дела». Особая популярность «Тихого американца» и «Комедиантов» в ту пору объяснялась, скорее всего, их достаточно удачной экранизацией....В те дни Грина беспокоила боль в спине, хотя он старался этого не показывать. Переводчица с самого начала попросила меня не планировать каких-либо дальних поездок. И поэтому от предложения некоторых московских писателей, отдохавших в пицундском Доме творчества им. Д. И. Гулиа, приехать к ним на творческую встречу, Грин вынужден был дипломатично отказаться... Дав гостям возможность немного отдохнуть, я отправился пешочком по набережной. Спустя несколько минут зашел в ресторан «Нартаа» и заказал обед на пять персон. Администратор любезно предложил удобное место в углу открытого помещения на втором этаже ресторана, напоминавшего террасу, откуда открывался прекрасный вид на море. Затем я позвонил Алексею Несторовичу, отчитался скороговоркой о том, что гостя встретили благополучно. Затем попросил своего шефа, чтобы он непременно присутствовал на обеде в ресторане «Нартаа». Я ничуть не сомневался в том, что за чарочкой доброго абхазского вина нам будет куда проще приоткрыть гостю завесу подлинной абхазской истории, в которую за советский период тбилисская пропаганда успела привнести много всякой лжи и хитросплетений.

Когда я вернулся в гостиницу, гости уже ждали меня внизу в достаточно бодром расположении духа. Грэм Грин был в серых брюках и в свежей голубой рубашке. Высокий, сухощавый, голубоглазый джентльмен, слегка сутуловатый (все-таки сказывался почтенный возраст...) шел по сухумской набережной не спеша, умиротворенно. Набережная была запружена отдыхающими и прогуливавшимися по ней сухумцами. Грэм Грин выделялся среди всех своей заметной аристократической внешностью. Некоторые из шедших навстречу, узнав своего кумира (слухи о его приезде мгновенно разлетелись по всему городу) выражали свои симпатии к нему добрыми улыбками.

Идя рядом с Грином, я процеживал каждое произносимое слово, хорошо осознавая, что нелегко поддерживать уровень беседы с такой знаменитостью. На традиционный, а может быть, и несколько навязчивый вопрос, каковы его первые впечатления об Абхазии и ее столице, писатель отвечал весьма сдержанно, но видно было, что в нашей стране он чувствует себя хорошо и уютно. – Абхазия чем-то напоминает Южную Францию, а Сухум в моем представлении во многом ассоциируется с моим родным городом Антибом... Накануне приезда Грэма Грина в Абхазию в мировой прессе было опубликовано много материалов, посвященных его борьбе с французской мафией. В памяти многих почитателей его таланта пока еще были свежи события и факты, описанные им в нашумевшей публицистической брошюре «Я обвиняю». Читатели хорошо помнили, как он смело вступился за незащищенную женщину, ограждая ее от преступных действий. Помню, как-то в спокойной беседе за чашкой кофе я спросил Грина, нет ли у него опасений, что пре-

ступники, с которыми он схлестнулся, рано или поздно отомстят ему? Ответил он, как мне показалось, достаточно хладнокровно и уверенно: – На это у них смелости не хватит... Они боятся меня, я слишком известен, чтобы посягнуть на мою жизнь! Такая нестигаемость воли и стойкость человека, которому в то время перевалило уже за восемьдесят, не могли не вызвать глубокого уважения и восхищения.

## В РЕСТОРАНЕ «НАРТАА»

В ресторане «Нартаа» Алексей Несторович поприветствовал наших гостей в свойственной ему манере: радушно, широко улыбаясь, восторженно. Гости, еще не приступившие к трапезе, ожидая «команды» хозяев, с большим интересом разглядывали крышу ресторана, покрытую старой черепицей отличного обжига. Она воспринималась здесь как некий сухумский раритет. Не меньше любопытства вызывали у них сплетенные из прутьев рододендрона отдельные кухоньки, разбросанные по разным сторонам двора. Мы рассказывали Грину об абхазском героическом эпосе, о легендарных братьях – богатырях Нартах, в честь которых этот ресторан носит такое название. В то время официанты обслуживали клиентов в красивой национальной форме, мальчишки – в простых крестьянских блузах, в брюках, заправленных в сапоги, девочки – в простеньких (домашних) кофточках и юбчонках. Запах очажного дыма и жарившегося на вертеле копченого мяса доносился из соседней кухни и смешивался с душистым ароматом молодых листьев камфорных деревьев, ветви которых оригинально свисали с крыши террасы. Алексей Несторович, которого я

предложил избрать тамадой, предварительно разъяснив гостям некоторые типичные особенности абхазского застолья, стал, как и положено, произносить искрометные (немного афористичные) тосты в традиционном, я бы сказал, даже несколько театрализованном стиле. Переводчица старалась передать Грину и смысл (а он был достаточно абстрактным) и эмоциональные оттенки наших тостов. Иногда тамада произносил одни и те же эпитеты и образы многократно, видимо, для усиления речевого эффекта. И я в свою очередь не мог удержаться от излишней патетики. Создавалось впечатление, будто наши застольные речи звучали с высокой трибуны какого-то международного симпозиума. Грин слушал нас внимательно, а затем, с усилением зрелищного эффекта наших нескончаемых славословий – как бы напряженно-возбужденно. Такое обостренное восприятие, по-видимому, можно было объяснить тем, что некоторые нюансы нашего национального этикета заметно контрастировали (и контрастируют сегодня) с европейскими обычаями. Однако чувствовалось, что англичанина начинали увлекать наши ритуалы (при всей их излишне наигранной экзотичности...). В этом мастер время от времени признавался искренне и по-доброму улыбаясь. Ел он мало, но несколько рюмочек «целебной» виноградной чачи осушил с удовольствием. Причем, он охотно подражал нашей манере каждый раз провозглашать тосты стоя.

К нашей радости, по настроению господина Грина чувствовалось, что он понемногу стал забывать о боли в спине. Видимо, болеутоляющие свойства абхазской водки и скрытое магическое воздействие абхазских тостов сыграли свою определенную роль. Мы с Алексеем Несторовичем пили «изабеллу» домашнего приготовления, поданную в глиняном кувшине, по гладким округлостям

которого струились капельки холодной воды, сбивавшие высокую температуру содержимого. Невольно вспоминалось образное и меткое выражение самого Грина о том, что «хорошее вино не нуждается в этикетке». На этой сравнительно недолгой застольной встрече, в промежутках между тостами, мы успели рассказать Грэму Грину и о наших национальных бедах, и о наших страданиях, и, как бы фрагментарно, историю становления абхазской художественной литературы. Мы сочли этот марш – бросок в историю необходимым, потому что в то время в мире очень мало знали об Абхазии. Тем более, что беседы в таких неординарных условиях, облагораживаемых тостами, иногда запоминаются больше, чем официальные... Вскоре Алексей Несторович любезно попрощался с нами, пригласив гостей на следующий день на официальную встречу с писателями Абхазии. Уходя, он душевно, по-братски помахал рукой английскому классику.

## МОРСКАЯ ПРОГУЛКА...

После обеда я предложил гостям совершить морскую прогулку на небольшом катере. Мы подошли к сухумской пристани, минуя знаменитую белую колоннаду на самой набережной. Вскоре наш катер под названием «Кяхь Хаджарат» (имя народного героя) – для Грина – абхазский Робин Гуд? – отчалил и медленно, едва ощутимыми рывками, отдалился от пристани. Через репродуктор громко и несколько навязчиво звучала популярная эстрадная песня «Знаю, милый, знаю, что с тобой...», настраивая экскурсантов на «лирический» лад, внушая им мысли о безмятежно-безоблачной жизни на необъятных просто-

рах советской державы. Гости с интересом наблюдали панораму города, открывавшуюся с моря. Особенно хорошо и отчетливо выделялись на сплошном фоне вечно-зеленой хвои и кустарников оригинальные белоснежные фасады старинных домов и гостиниц, серебристо-свинцовый отсвет отдельных куполов, очертания сухумских холмов, плавно сливавшихся с богатым пейзажем набережной....Наш катер был переполнен отдыхающими, как обычно бывает в разгар курортного сезона. Гости расположились поближе к корме. Грэм Грин спокойным, сосредоточенным взглядом наблюдал за большой стаей чаек, сопровождавшей теплоход, пронизывая морское побережье тревожно-тоскливыми криками. Моментами из моря неожиданно выныривали лоснящиеся дельфины, издавая свой жалобный писк, пробуждавший в людях какое-то странное чувство их необъяснимой нутряной близости к этим бесподобным существам. Возможно, какие-то эпизоды недолгого пребывания Грина в Асны станут потом частицей его знаменитого «Гринленда» – страны, созданной незаурядным творческим воображением автора несравненных детективов....На обратном пути наш катер, гордо носивший имя легендарного абхазского абрека, приблизился к развалинам древней Диоскурии. Я напомнил Грину некоторые сюжеты из аргонавтики, имеющие отношение к этому прекрасному и величественному пейзажу. А когда, вдобавок ко всему, сообщил ему, что в свое время Абхазию посетил его соотечественник, писатель Джеймс Олдридж, который по описаниям местных краеведов и археологов, углубился в скафандре на дно Черного моря для наблюдения за обломками затонувшего города в акватории Сухума, господин Грин был приятно удивлен. Он еще более заметно взбодрился, мне показалось, что он даже чуть привстал,

и после недолгой паузы, многозначительно заметил, что с огромным уважением и большой симпатией относится к своему соотечественнику Олдриджу (автору таких знаменитых вещей, как «Дипломат», «Охотник», «Морской орел», «Последний дюйм» и т. д.) \*\*\* На следующий день я решил показать Грину окрестности Сухума. Мы отправились в Ореховую Рощу, располагавшуюся где-то в десяти километрах от столицы. Многие горожане в летнее время выезжали туда спасаться от жары и устраивать пикники в ущелье. Нашим гостям открылся замечательный вид по обе стороны прозрачной, как кристалл, голубой речки, а самое главное – древний дугообразный Беслетский, или как его часто представляют наши местные гиды, – Венецианский мост, выложенный из крупного тесаного камня, с необычайной легкостью перекинутый через речку. Грэм Грин долго любовался красотой этой местности, затерявшейся среди сухумских холмов. А такие живописнейшие уголки нашего края редко попадают в ярко разукрашенные путеводители и иные рекламные издания, оставаясь в тени знаменитых абхазских курортов. Вернувшись обратно приблизительно к полудню, мы решили немного прогуляться по проспекту Мира и оттуда направиться в литературно-мемориальный Дом-музей Дмитрия Гулиа.

## О ТОМ, КАК ГРЭМА ГРИНА ПРИНИМАЛИ В «КЛУБ АРГОНАВТОВ»

Где-то на перекрестке проспекта Мира и улицы Фрунзе мы совершенно случайно встретили известного абхазского историка и краеведа, автора замечательных книг об Абхазии Вианора Пачулиа с его примелькавшей-

ся рыжей собачкой Чапой. И тут я поневоле вынужден был нарушить «протокол», на который часто ссылался мой шеф, предупреждая насчет того, что «красные» не дремлют...

При встрече и знакомстве с личностями такого масштаба, как Грэм Грин, нашего неутомимого краеведа и публициста осеняли великие мысли. Ведь не зря друзья, любя, называли его «генератором новых идей». Я представил Вианора Панджевича английскому классику, подчеркнуто перечислив все его регалии и заслуги. Лицо В. Пачулиа воссияло от предвкушения какого-то рождавшегося на ходу замысла. Кстати, это был тот самый напряженный период, когда Вианор Панджевич с неослабевающим азартом занимался подготовкой к ожидаемой встрече с Кимом Севериным, совершавшим морскую экспедицию по следам аргонатов на корабле «Арго», который, по глубокому убеждению В. Пачулиа, должен был причалить к Сухумскому морпорту для принятия участия в шумных театрализованных представлениях по этому случаю. И поэтому, в связи с предстоящими сенсационными событиями, мой старший коллега и наставник чуть ли не еженедельно проводил заседания специально учрежденного им «Сухумского клуба аргонатов», обсуждал с постоянными членами единственного в мире клуба различные проекты. Он успел объявить конкурс на лучшую эмблему клуба и лучшую модель мифического корабля «Арго». Одним словом, в клубе аргонатов кипели страсти. И редко какие заседания клуба обходились без участия членов бюро обкома партии (ничего не поделаешь, такова была система...), которые поверили в историческую значимость их личной причастности к предстоящим международным акциям.

\* \* \*

По пути к Дому-музею Дмитрия Гулиа, Вианор Панджевич, умеющий мгновенно располагать к себе великих людей таинствами какого-то особого магнетизма, успел заинтриговать Грэма Грина своими новыми проектами. Чувствовалось по скептически – задумчивому взгляду английского писателя, что он не до конца улавливал их суть, но не видя ничего предосудительного в «идеях – фикс» абхазского краеведа, дал свое согласие стать еще одним новоиспеченным членом Клуба аргонатов. Через несколько минут церемония оформления членства господина Грина была весьма благополучно совершена в Доме-музее основателя абхазской художественной литературы. Кстати, среди прочих документов у В. Пачулиа хранилось и давно завизированное лично им заявление г-на Жоржа Сименона с просьбой о принятии в члены теперь уже всемирно известного «сообщества». Как бы между прочим, но не скрывая своего самолюбования, президент Клуба успел сказать Грэму Грину и об этом. Вианору Панджевичу показалось, что английскому классику польстило, что он не одинок в списке членов экипажа виртуального клуба – корабля «Арго». Но это – ощущение, испытываемое президентом клуба (стало быть, и капитаном корабля!) в порыве эмоций, а о чем думал великий писатель хотя бы по поводу «завизированного» заявления Жоржа Сименона (известного серией детективов о комиссаре Мегрэ), знает только сам английский мастер.

\* \* \*

...Директор музея, дочь народного поэта Абхазии Татьяна Дмитриевна Гулиа, известный специалист по русской и зарубежной литературе, увлеченно рассказывала

высокому гостю о жизни и творчестве Дмитрия Иосифовича, человеке энциклопедического ума и способностей, затрагивая некоторые эпизоды его незабываемых встреч с такими величинами в мировой художественной литературе, как Луи Арагон, Алан Маршалл. Эти встречи происходили здесь, в доме самого Гулиа. Грина пригласили на второй этаж, где он, не спеша, с большим интересом ознакомился с ценнейшими экспонатами и библиотекой патриарха абхазской литературы. Он не упускал ни одного слова из комментариев достаточно опытных и образованных сотрудниц музея. Высокий гость искренне поблагодарил Татьяну Дмитриевну и работников Дома – музея за теплый прием и их подробнейший рассказ. По обширной информации о Д. И. Гулиа английский писатель мог иметь полноценное представление об Абхазии и ее культуре, ибо вся история нашей страны прямо или косвенно ассоциировалась с именем национального геня. Запись, которую Грэм Грин оставил в книге почетных гостей, стала одной из реликвий музея: «Я был очень счастлив видеть дом, где было столько достижений. Дом этот, пожалуй, один из самых уникальных в мире литературы. Побывав в нем, я начинаю чувствовать, как в Абхазии важна культура». После традиционного фуршета в Доме-музее, я пригласил наших гостей в красивый и уютный дворик, где все мы вместе с сотрудниками музея сфотографировались на память. Эта фотография и сейчас хранится в музейном фотоархиве. Она, конечно, имеет для меня особую значимость. Сохранилась и другая не менее ценная фотография Грэма Грина с супругой Клоэттой Ивон на фоне музея, на фасаде здания которого установлена мемориальная доска с барельефом Д. И. Гулиа. На этом фотоснимке рядом с Грэмом Грином запечатлен и наш большой профессионал в области издания

и распространения краеведческой литературы об Абхазии, бессменный президент «Клуба аргонавтов» Вианор Пачулиа, небезуспешно пытавшийся в конце XX века возродить легендарную историю аргонавтики на Южном Кавказе.

## ВСТРЕЧА В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ

В Союзе писателей нашего гостя ждали не без определенного волнения, потому что это была встреча с одним из крупнейших мастеров слова современности. Сюда пришли народный поэт Абхазии Баграт Шинкуба, признанные мастера прозы Алексей Гогуа, Джума Ахуба и другие. Их присутствие придавало предстоявшему общению некую символичность и знаковость. Мы поднялись на второй этаж роскошного царского дворца, где тогда располагался Союз писателей. Я открыл дверь кабинета, где все было готово для начала большой литературной беседы, и, блюдя этикет, пропустил вперед английского писателя, его супругу г-жу Клоэтту и переводчицу. Все дружно встали и поприветствовали гостей. Затем мы аккуратно усадили классика по правую руку от Баграта Васильевича Шинкуба... Алексей Несторович представил присутствовавших, соблюдая насколько это возможно табель о рангах, затем от имени писателей искренне поблагодарил Грэма Грина за то, что он принял собственное решение включить в программу своего пребывания в СССР и поездку по Абхазии. Официальная часть встречи естественно и плавно перешла в беседу о литературе. Судя по тому, как Грин время от времени едва заметно покачивал головой в ответ на детальные разъяснения переводчицы, ему было важно получить

верное и достаточно полное представление обо всем, что связано с историей, культурой абхазского народа. Однако не обошлось и без парадоксов. Мне запомнилось, как кто-то из участников встречи горделиво заявил, что в Абхазии семьдесят семь членов Союза писателей СССР. Грин в начале слегка опешил, но кое-что смекнув, просто ответил: «У нас в Англии и семи настоящих не наберешь, увы!» В зале раздался смех писателей, мгновенно отреагировавших на комичность ситуации... Спокойно и весьма емко отвечая на вопрос, кого он считает наиболее яркими фигурами среди европейских писателей XX века, Грэм Грин назвал без всякого колебания имена Камю, Сартра, Мориака. Затем, делясь мыслями о состоянии и путях развития современной французской литературы, он выразился достаточно образно, заметив, что «...литература подобна фруктовому дереву. Во Франции это дерево пышно цвело и давало обильные плоды, когда жили и творили такие замечательные художники слова, как Сартр, Камю, Мориак и другие крупные представители того поколения. Но наступает время, когда это дерево устает, когда ему нужно время, нужны годы для обновления, чтобы его ветви опять гнулись бы от туго налившихся плодов...». Такие оценки английского мастера, чья жизнь и литературная судьба во многом были связаны с Францией, где он жил в последние годы, вызвали оживленное внимание абхазских писателей, не замыкавшихся в рамках национального художественного мира. Запомнились слова Грина, выражающие отношение к великим русским классикам, в частности, к Чехову. «Чехов научил меня хорошо рассказывать. Я считаю, что больше всего я раскрепощаюсь, именно рассказывая...» – заметил он в беседе с абхазскими литераторами. С большой любовью говорил английский писатель и о таких вели-

чайших представителях русской литературы XIX века, как Толстой и Тургенев, произведения которых он склонен был воспринимать, как часть английской культуры. Отмечая бесспорные успехи современной латиноамериканской литературы, Грэм Грин выделил имена Маркеса и Борхеса, с которыми он лично дружил и поддерживал творческие связи. Затем английский писатель сосредоточил свое внимание на глубоких и оригинальных мыслях выдающегося абхазского поэта Баграта Шинкуба, который говорил о национальном своеобразии эпоса, о боготворце Абырыкиле – абхазском двойнике Прометея. Судя по тому, как гость жадно впитывал в себя всю эту новую для него художественную информацию, превосходно озвучиваемую на английском переводчицей, было заметно как для него важно знать, чем живет литературная Абхазия. Один из собирателей и издателей абхазского фольклора, Баграт Шинкуба рассказал высокому гостю о том, с какими сложностями сопряжена эта кропотливая, но по сути бесценная работа, являющаяся первоосновой развития национальной культуры. Чувствовалось, насколько оживленно и утонченно воспринимал Грин проиллюстрированные яркими примерами мысли Шинкуба о путях усовершенствования метрики и ритмики абхазского стиха. Видимо, произнесенные народным поэтом образцы абхазского стихосложения, непривычные для европейского слуха, совершенно естественно становились материалом для некоторых сравнений и размышлений. Позже Грэм Грин поделился с нами впечатлениями от общения с абхазскими мастерами и выразил глубокое удовлетворение откровенностью и весьма дружелюбным характером встречи. То, что английский писатель рассказывал о великих европейских авторах, а наши авторы – о священном эпосе, своих творческих замыслах

придавало беседе особый киплингковский шарм. Алексей Джонуа вручил гостю цветной фотоальбом «Абхазия». Сейчас уже это уникальное издание, претендовавшее на международный стандарт, стало библиографической редкостью. Его просто нигде не найти. Думаю, что этот эксклюзивный выпуск издательства «Планета» занимает свое достойное место на одной из полок личной библиотеки великого англичанина.

## ГРЭМ ГРИН И «СВЯЩЕННЫЕ КОРОВЫ»

Теперь после милой беседы, состоявшейся в офисе Союза писателей, мы с моим шефом думали, как бы организовать одно хорошее абхазское застолье, чтобы окунуть наших гостей в деревенский быт. Этим мы могли бы показать, что абхазские писатели не столь урбанизированы и в мыслях они никогда не отрываются от своих родных пепелищ. Причем надо было, чтобы этот «ритуал» произошел где-либо вблизи Сухума, с учетом проблемы, создаваемой пока еще ноющей поясницей английского классика. Я чувствовал, что без звонка из обкома партии не обойтись. В итоге этот звонок состоялся. Такой царский жест был сделан секретарем обкома, большим другом абхазских классиков Руфетом Бутба. В знаменитом селе Нижняя Эшера в авральном режиме занялись приготовлением стола. Алексей Джонуа (писатель и искуснейший дипломат) ехал в легковой автомашине с секретарем Сухумского райкома Николаем Еником, а мы с гостями следовали за ними в микроавтобусе. У Ачадарского спуска наблюдательный Грин обратил внимание на коров местной породы, сидевших мирно и беззаботно (пожевывая жвачку вечности) прямо по-

среди центральной трассы, напротив высотных жилых зданий. Было видно, как коров тихо объезжают и автобусы, и цементовозы, и легковушки. Я подумал, что он, великий художник, увлеченный вселенскими проблемами, не станет интересоваться «судьбой» сухумских коров. Однако просчитался... В ответ на его неожиданный вопрос, что это означает, я неумело и не без некоторого лукавства попытался объяснить наблюдаемую картину идущими от язычества отголосками культа «священной коровы» у абхазов. По тому, как Грин изучающе и с некоторой недоверчивостью посмотрел на меня, можно было догадаться, что он все прекрасно понял (Грин давно отбыл из Абхазии, а наши коровы продолжали мирно и беззаботно сидеть все на тех же облюбованных местах)... В Нижней Эшере нас встретил директор цитрусового совхоза Валерий Тарба. Человек на редкость прагматичный, он решил сразу взять быка за рога: прежде чем пригласить высоких гостей к столу, предложил им увидеть своими глазами, каких успехов добились местные цитрусоводы. Обычно такие небольшие экскурсии проводились экспромтом для самых почетных гостей и членов Политбюро для создания разминочного общего фона перед главным вопросом – традиционным застольем, где спонтанно акценты смещались с темы цитрусоводства на тему вина и виноделия и очередности тостов. Стол был накрыт в доме одного из самых уважаемых жителей села по фамилии Лагулаа, у которого жена, кстати, была армянка. От этого стол приобретал по-настоящему интернациональный блеск. Ненавязчиво подчеркивали эту особенность застолья скромно-горделивые бутылки армянского коньяка армянского розлива. Помню, Грин с большим любопытством окидывал пытливым взором утопавший в зелени двор, раскидистые кроны фиговых

деревьев и неизвестных даже ему культур, высаженных вдоль изгороди. Красивый двухэтажный дом располагался у подошвы маленького холма, возвышавшегося над лужайкой. Видно было, что соседи, приглашенные на торжественное застолье, ждали гостей уже давно. После того, как предложили хозяевам и гостям, как и положено по обычаю, по старшинству омыть руки, старшие по возрасту сопроводили гостей к самым почетным местам за столом. Грин и его супруга Клоэтта Ивон сидели вместе с переводчицей Татьяной Кудрявцевой по левую руку от тамады, роль которого добродушные хозяева решили безоговорочно отвести в тот день самому Валерию Тарба. Опыта и дипломатии ему было не занимать. Мы с Алексеем Несторовичем сидели по правую сторону от тамады, напротив гостей, так что живой контакт с ними мы старались поддерживать, насколько это возможно, в рамках абхазского застолья и в промежутках между тостами. Хотя маленькую помеху нашему общению с английским классиком и его супругой создавал достаточно высокий барьер из бутылок виски, вина, коньяка, обставленных массивными жареными индюшками. Как говорится, стол ломился от яств. Добродушные хозяева в честь Грэма Грина незаметно зарезали крупную козу, соответствующую уровню гостя в ранге члена Политбюро. Самые почетные и сочные куски с особым уважением были поданы виновникам торжества. Помимо широкого выбора национальных блюд и прочих вкусоностей по всему столу были расставлены красивые подносы с большими кусками арбуза, дыни, тыквы. Грин живо реагировал на достаточно импульсивные жесты, мимику и перешептывания сидевших за столом. Видно было, что он в добром расположении духа. Писателя, объездившего к тому времени чуть ли ни весь мир, вряд ли можно было

чем-то удивить. Но как прекрасный человек и художник особого дарования, он не мог оставаться равнодушным к подобному рода «священнодействиям». Видимо из тех соображений, что писатель такого уровня может проявить избирательность во всем, хозяева решили не ограничивать выбор спиртных напитков: шампанское, коньяки, марочные вина, фабричная водка. Но Грин, деликатно отодвинув все эти примелькавшиеся бутылки, попросил налить ему нашу фруктовую чачу. Провозгласив вслед за тамадой традиционный тост, он, стоя, уверенно опрокинул одну рюмку, и сказал, что ни в одной стране он не пил такого приятного напитка. Хозяевам такая оценка их бренда, конечно, сильно польстила. Мы с Алексеем Несторовичем, как обычно, пили черное (так называют абхазы красные вина) вино. Он время от времени иронически спрашивал меня, нравится ли мне это вино. Я не скрывал своего хорошего настроения. Все эти дни меня мучил насморк. Вино действительно было изумительное, оно выдыхало клубничный аромат, пропитывавший воздух уже с момента подачи на стол. Алексей Несторович, по-дружески улыбаясь, шепнул мне на ухо, что у меня лицо заметно разрумянилось от красного вина. Я в ответ намекнул ему о том же. Это его сильно развеселило, и он произнес чуть громче обычного: «Ихартәлап хатцәцакәа пеипеиуа! Иаажәлап афеиқәатцәа хзамҟақәа уаркалеиуа!» Это был удачный экспромт моего шефа. Особенно хорошо запомнились каламбурные рифмы на абхазском языке: «И вновь стаканы мы наполним, чтобы румянее стали наши щеки!» – приблизительно так звучат эти строки по-русски. Тем временем тамада вновь предоставил слово Грэму Грину, на сей раз, кажется, по просьбе самого писателя. Не помню, чему был посвящен тост, но помню, что Грин беспощадно ругал президента

Рейгана, как неудачного актера в руках хитрых режиссеров, и говорил немало лестных слов о Горбачеве и, кажется, в основном в связи с «перестройкой», «гласностью», демократией «советского образца» и прочими роковыми нововведениями.

## ЛЕЧЕНИЕ МЕТОДОМ ГРИНА

Мы вернулись в Сухум перед наступлением сумерек. Я решил было попрощаться с гостями до завтра. Но в эту минуту Грин попросил переводчицу узнать, чем вызвано мое несколько усталое и подавленное состояние. Я сказал ему, что виной всему простуда и насморк, на которые я стараюсь не обращать внимания. Грин любезно пригласил меня в номер и стал суетливо искать что-то в шкафу. Мне подумалось, что он хочет предложить мне какие-то таблетки. Но вопреки моим ожиданиям, он достал свой большой чемодан, взгромоздил его на кровать и открыл. Затем аккуратно вытащил оттуда большую фигурную бутылку с достаточно экзотической этикеткой. Это было виски! Грин своими руками откупорил бутылку, и налил полный чайный стакан приятно пахнущего, но чуть горьковатого напитка, предложив мне выпить его до дна. Я не стал отказываться, кокетничать, и от души принял «рациональное» предложение классика. Чуть-чуть прищурившись от коробящего предвкушения слишком большой дозы, удачно опорожнил стакан.

– Когда-то я упал в ледяную прорубь на Северном Ледовитом океане, во время экспедиции... И мой врач вот таким способом снимал мне шок! – улыбаясь от удовольствия, что я проявил такое послушание, классик участливо стал рассказывать мне об испытанных им методах ле-

чения от простуды. То ли оттого, что виски действительно обладает лечебно-профилактическими свойствами, то ли благотворное воздействие оказала на мое состояние сила самовнушения, на второй день утром никаких признаков простуды или насморка у меня не обнаружилось. Грин, узнав о положительном эффекте назначенного им «лечения», был очень доволен и сказал, что виски ему приготовили друзья – по его спецзаказу. Кстати, говорят, что и Фолкнер пил виски, приготовленное по какому-то особому рецепту. Мы провожали Грэма Грина с легкой тоской на сердце, словно успели за эти трое суток породниться с ним. И он уезжал с сожалением. Имя Грэма Грина будет значиться в уникальной художественно-документальной летописи Абхазии рядом с именами таких ярких личностей, как Анри Барбюс, Луи Арагон, Алан Маршалл, Джон Пристли, Антон Чехов, Алексей Толстой, Константин Паустовский, Осип Мандельштам и других мастеров слова, которые в свое время ступили на священную землю Апсны и оставили светлую и благодарную память о себе... Групповой портрет с великим классиком займет в моем личном фотоальбоме особое место, пополнив семейные реликвии. Для биографов Грина мое присутствие в этом фотодокументе может быть, и вовсе третьестепенно, но для будущих исследователей моей биографии – это, как мне кажется, достаточно привлекательный момент, заслуживающий определенного внимания.

## Владимир Зантариа

### СУХУМСКАЯ БАРАХОЛКА

Барахолка рядом с рынком – это чудо – уголок.  
Что нельзя найти в Сухуме? Запасайся смело впрок:  
Все дары эпохи рядом – вот полезный инвентарь,  
Ободки для бочки, пилы, нержавеющая сталь  
Вот коса, как будто ружья, та же бритва – так остра!  
Вот стамеска угловая, та же сталь, и пусть стара,  
Но старинная закалка – это дело – не шути!  
Пятна ржавые на ручке? Очень просто соскрести!

Вот сверло для нужд хозяйских, просверлим ярмо быкам,  
Сколько стоит? Вполне сносно. Всё! Решили – по рукам!  
Не утюг на углях – гиря, но надёжен, словно друг,  
Там, поодаль, видишь, – медный николаевский сундук.  
Полон, верно, с дней далеких грудой старых медяков,  
Цепь очажная – потрогай! Звенья словно из оков.  
К старику иду вдоль ряда. Он стоит, седоволос.  
Перед ним подковы, книги разглядеть мне удалось.

Меж киркою и лопатой блекло прячутся тома:  
Здесь Бальзака и Ремарка отдадут как задарма,  
Дальше гайки всех размеров и такие же болты,  
Стремена с налетом синим – купоросные следы.  
Для чего они, я думал, если нет у них седла?  
В чем их ценность? Просто деньги? Потому что старина?  
Долго я стоял у трона – табуретки, а на ней  
Генеральские погоны – тени маленьких вождей.

Вот портреты – Сталин, Брежнев.... Не картины, а лубок,  
Фон великим – сковородки, старый чайник, коробок,  
И меж ними отрешённо продавец, старик седо,  
Над страницами газеты водит белой бородой.  
Есть в Сухуме рядом с рынком живописный уголок,  
Чудеса на этом поле – я их всех увидеть смог,  
Но хотя и колобродил, рыскал, видел, узнавал,  
Сам не понял, что конкретно, но чего-то я искал...

Размышлял и наблюдал, любопытством одержим,  
Может, был заморожён я жизнью пройденной, былым.  
Эх, страна была какая! Где держава, где она?  
Как цунами в одночасье, смыла мутная волна,  
Разметало все народы, опрокинут наш ковчег,  
Океан Страны Советов превращен в полоски рек,  
Кто-то в хаосе потерян, кто-то выплыл к берегам.  
След бывшего – барахолка или в сердце тайный храм?

2016

*Перевод с абхазского Миясат Муслимовой*

## Нелли Тарба

### ДЕРЕВЬЯ СУХУМА

В Сухуме, рожденные солнцем, деревья растут.  
Нет песен о них на земле этой солнечной, тут.  
Всю долгую зиму они зелены – зелены.  
Их гибкие ветки зеленых листочков полны.  
А были – и холод, и снег, и такие ветра...  
Но ярко пылало зеленого пламя костра.  
Весною, по добрым законам ее естества,  
Меж старых листочков пошла молодая листва.  
Они подружились, никто из них не облетел,  
И мир на глазах зеленел, хорошел, молодец!  
Но старые листья, свой долг выполняя земной,  
Цветами пурпурными стали на ветке родной.  
Потом стали падать они, невесомые, вдруг,  
Багровым и бурым усеяв всю землю вокруг.  
А юные листья, зеленые вскинув крыла,  
Рвались в поднебесье, и синь между ними плыла.  
И снова природа была зелена – зелена,  
И люди в ней жили, как будто бы сказка – она.  
И таинство было в листочке – зеленой звезде,  
И в ветках зеленых, висевших над ними везде.  
И были во власти зеленого мира они  
Деревьев Сухума, бродя в их зеленой тени...

*Перевод Р. Казаковой*

## ПО НОЧНОМУ СУХУМУ ГУДКИ ПАРОХОДА

Кого он зовет,  
пароход тот ночной,  
Кого он торопит  
в тревоге?  
Кому он так хочет  
на тверди земной  
Напомнить  
о дальней дороге?  
О чем он,  
тот долгий, надрывный сигнал,  
Кого он  
и в чем укоряет?  
Любой человек,  
пусть он сушу лишь знал,  
Сегодня  
покой потеряет.  
Гудит пароход,  
Уйдет пароход  
и гудки оборвет,  
Но что-то нас  
больно задело.  
Как будто на пленке,  
теперь навсегда  
Гудки в нас  
звучат голосами  
Ушедших людей,  
и ночная беда  
Навеки останется  
с нами.  
повторяя в тоске

Все то же,  
что в самом начале,  
И вторит другой,  
где-то там вдалеке  
На темном,  
печальном причале.  
Найдет ли того он,  
Неважно,  
кого так зовет?  
не в этом ведь дело.  
Уйдет пароход  
и гудки оборвет,  
Но что-то нас  
больно задело.  
Как будто на пленке,  
теперь навсегда  
Гудки в нас  
звучат голосами  
Ушедших людей,  
и ночная беда  
Навеки останется  
с нами.

*Перевод С. Кузнецовой*

## Василий Каменский

Из книги С.З. Лакоба

«КРЫЛИЛИСЬ ДНИ В СУХУМ-КАЛЕ:

Василий Каменский любил говорить: «Сухум замечательный город, там даже в бурю тишина». Буря семнадцатого года, гражданская война сделали это свойство неоценимым. Вся Россия гремела. Здесь – было тише, спокойнее. В Сухум-Кале не был холода, голода и массового кровопускания. В Сухум-Кале плескалось теплое море, светило солнце, по-прежнему продавали рахат – лукум, подавали чай с каштана ми и дымились кофейни, прикрытые садами цветов. Природа и местная традиция сглаживали эксцессы общественно-политической жизни. Так море зализывает острые камни.

## ПРИБОЙ В СУХУМЕ

Берег – письменный стол.  
Море – чернильница.  
Каждый камень – престол.  
Моя песня – кадельница.  
Пой в прибой,  
Прибивай перевейностью,  
Волно – взвихренной лейностью.  
Перевей волю амбра,  
Моревун морегамбра.  
Ббахх и ашрр –

И шшай –  
Шам – м –  
Шш – ш.  
Берег – бисер ковер.  
Море – синяя ткань.  
Каждый камень – звукор.  
Моя песня – звукань.  
Пой в прибой,  
Прибивай пальмотрепетом,  
Волно – взвинчбнным лепетом.  
Перебурль волю амбра,  
Моревун морегамбра.  
Ббах и ашрр –  
И шшай –  
Шам – м –  
Шш – ш.

Берег – дом в Генуэзском. Море – воздух – вино.  
Будто память о детском,  
Здесь живет Евреинов.  
Пой в прибой,  
Прибивай мудрокнижием.  
Удивляй сценоближием.  
Перекрась театр амбра,  
Моревун морегамбра.  
Ббах и ашрр.  
И шшай –  
Шам – м –  
Шш – ш.

Берег – красная цель.  
Море – братству вравне.

В кумачевой стране.  
Пой в прибой.  
Прибывай, разудалое  
Знамя буйное алое.  
Передай миру амбра,  
Моревун морегамбра.  
Ббахх и ашрр  
И шшай –  
Шам – м –  
Шш – ш.

1922

## Василий Каменский

### ПРИВЕТ СУХУМУ!

Ну, здравствуй, рай земной, –  
В Сухуме снова я.  
И здесь весна со мной,  
Как жизнь призывно новая.

Ах, было столько волнений,  
Великолепных тревог,  
Когда пароход «Ленин»  
На берег нас высадить смог.  
Глаза разбегались, как ялики,  
И горели искристо.  
Нас качали зеленые валики,  
Подавая на пристань.  
А потом мы неслись в экипаже  
Среди пальм, кипарисов, мимоз,  
И показалось волшебностью даже  
С табаком встретить медленный воз.  
В мягкой поступи буйволов сонных,  
В тихом скрипе абхазской арбы  
Будто слышится песнь перезвонно  
Отдаленной пастушьей трубы.  
Так и чуются горы раздольные,  
Где в долинах барашки растут,  
В деревнях – разговоры застольные,  
На плантациях – зреющий труд.  
Так и чуется мирная стройка –  
Вся содружность рабочих, крестьян.

По шоссе заливается тройка,  
Нагоня хозяйский изъян.  
А по улицам запах мимозный  
Шлет приветы курортным гостям,  
Обещая расцвет грандиозный,  
Отдых, бодрость уставшим костям.  
Сам когда-то болел и пропал бы.  
За спасеньем явился в Сухум.  
Вот почему еще с палубы  
Я в душе ликовал наобум,  
Ликовал за приехавших с пристани  
К изумрудной целебной груди.  
Где ж искать высшей истины  
Для здоровья и сил впереди?  
Любимый Сухум! Будь желанным для всех,  
Ты пойми мою песню поэта:  
Позади жизнедатный успех  
Всем больным, – кому дорого это.  
Мы из разных стран трудового Союза  
Все под кровлю твою собрались,  
Чтоб прибавить телесного груза,  
Чтобы снова лететь в свою высь.

Ну, здравствуй, рай земли!  
Под гимн морского шума  
Несу свой гимн, где корабли, –  
У берегов Сухума.

1927

## Исаак Бабель

*(из Сухумских записок)*

Еще год тому назад Сухум был тихим и пустынным городком. А теперь в нем кипит жизнь новая, торговая, деловая. Как грибы вырастают во всех направлениях магазины и будки.

Базар переполнен продуктами, магазин товарами. На лицо все признаки благополучия. Цены, однако, в Сухуме стоят довольно высокие...

– Порой кажется, что только на базарах и в кафе бьется пульс жизни Сухума. Только здесь центр тяжести всего. Остальное – так, нечто вроде придатка к этому, главному и основному. Очень часто даже бывает так, что в учреждении вы не найдете нужного вам человека, ибо в это время он занят в кафе. Но сухумцы отлично знают, куда надо обращаться и где кого искать».

1922

## Георгий Гублиа

### СУХУМСКАЯ КРЕПОСТЬ

Вот развалины крепости старой,  
Рвется к стенам кипенье волны,  
В ярком солнце,  
Черны от загара,  
Отдыхающих группы видны.  
Я дышу этой влажною солью.  
Даль синее в проломах руин.  
Здесь красивых абхазок  
В неволю  
Угоняли купцы из Афин.  
Здесь орудья турецкой эскадры  
Сокрушали бойницы в упор.  
Здесь визжали чугунные ядра,  
И следы их видны до сих пор.  
Но Келеша разящая шашка  
Рассекла непроглядную ночь.  
Было нашей Абхазии тяжело,  
И Россия пришла ей помочь.  
Я стою на обломках и знаю,  
Как непрочен чугун и гранит.  
Нас хранит не стена крепостная –  
Нас великая дружба хранит.

*1956*

## Константин Герхелия

### СУХУМ

Можно ли не думать, мне о Сухуме,  
О твоей волнующей судьбе?  
И какой поэт в часы раздумий  
Не поет влюбленно о тебе?

Если будет от тебя таиться  
В сердце песнь влюбленная моя,  
То завянет сердце, как девица,  
Что жила, любовь свою тая.

Где мне взять мелодию, чтоб чувство  
Заплескалось в песне, как прибой?  
В силах ли словесное искусство  
Выразить прекрасный облик твой?

Каждому ты даришь вдохновенье,  
Красотой ласкаешь каждый взгляд.  
И с тобой прощаются в волненье,  
И любовь к тебе всю жизнь хранят.

Солнце – это гость твой постоянный,  
Твой наряд – чудесные цветы,  
И сверкаешь ты росой медвяной,  
И полощешь в море корни ты.

В новый день идешь ты без опаски –  
Будет новый день счастливым днем!

Ты гостей встречаешь по-абхазски,  
О тебе поют они потом.

Если разлучаюсь я с тобою,  
Я найти покоя не могу.  
Слышится мне мерный шум прибора  
И шуршанье пальм на берегу.

Здесь, у моря, жил я с колыбели,  
Здесь почти вся жизнь моя прошла,  
Здесь мечты мальчишеские зрели,  
Превращались в добрые дела.

Расцветай невиданным букетом,  
Разрастайся, город мой родной,  
И дари людей теплом и светом,  
Ветром влажным, ласковой волной!

Можно ли не думать, мне о Сухуме,  
О твоей волнующей судьбе?  
И какой поэт в часы раздумий  
Не поет влюбленно о тебе?

1955

## Р. Артамонов

### СУХУМ

*Шамилю Акусба*

Я помню войну не по книжкам:  
Столица, нетопленный класс...  
Учился со мною мальчишка,  
Однажды выдавший Кавказ.  
Он глянет, бывало, с упреком  
И спорит, прищурясь хитро,  
Что там, на Кавказе далеко,  
Есть город, где вечно тепло.  
О, как был тот город нам дорог  
В холодном военном году...  
Я понял теперь, что за город  
Имел наш товарищ в виду.  
Москва, ты не будешь в обиде –  
Навеки в моей ты судьбе, –  
Когда я Сухум увидел,  
На миг я забыл о тебе.  
Здесь пальмы прямые, как гвозди,  
Над нами ночами цветут.  
Растут виноградники тут  
И звезд несосчитанных грозди  
Здесь солнце пылает, а море  
Без края лежит и конца,  
Но с солнцем и с морем поспорят  
Тут души людей и сердца.  
Здесь сразу крепчаешь, отведав  
Вина виноградную кровь,

Во всем тут обычай дедов  
И внуков прекрасная новь.  
... Приятелю школьному вторя,  
Всем тем, кто не верит, назло  
Твержу я: у синего моря  
Есть город, где вечно тепло...

*1977*

## Семен Кирсанов

### РАСТЕНИЕ В ПОЛЕТЕ

Схожее внешне с цаплею,  
с листьями сухими –  
летит растение теплое,  
свойственное Сухуми.

В Арктику из субтропиков  
везет растение летчик,  
бережно, в крошке пробковой,  
чтоб не помять колючек.

Скоро и Харьков скроется,  
тучи уйдут к Батуми,  
но винт не уступит в скорости  
самому самому.

Он донесется в скорости  
к сетке широт паучьей,  
где – на советском полюсе –  
мы вырастим сад плавучий.

Лед порастет цветами,  
снег заблестит теплицами,  
все небылицы станут  
светлыми да – былицами!

Я вижу уже заранее  
под пальмами тушу тюленю.  
Мы едем с мыса Желания  
в долину Осуществленья.

1940

## Иван Соколов-Микитов

### ОХОТА НА КАВКАЗЕ

Я познакомился с ним на колхозном базаре. Он стоял посреди площади, оскалив свои белые зубы, гордо отставив ногу в дырявом и пыльном чувяке, высоко держа сухую, носатую, небрежно повязанную башлыком голову. Концы башлыка живописно свисали на его покатые плечи. Тоненький, оправленный серебром ремешок перетягивал талию. Одежда его была ветха и пыльна, а в дырках штанов, изодранных в лохмотья о лесные колючки, сквозило худое смуглое тело. Странными казались при всей бедности одежды охотника гордая его осанка, серебряный дорогой поясок.

На левом плече Нестора сидел ученый ястреб. Охотник гордо осматривал проходивших мимо людей, скалил чубы и улыбался. Ястреб на его плече сидел смиренно, изредка встряхиваясь, и, точно на шарнире, поворачивал во все стороны свою клювастую плоскую голову, позванивая колокольчиками, привязанными к груди и ноге.

Все было чудесно и замечательно вокруг! Яркое и высокое солнце, синее море и лиловые над городком горы. Абхазец – колхозник недвижно восседал над корзинами с виноградом. Огромный буйвол, запряженный в арбу, стоял на дороге, положив на спину толстые рога, лениво жевал. Два мигрела – рабочих, загорелых и черных, сидели на корточках на земле, разговаривали и курили...

Охотник Нестор пришел на базар продавать добытую дичь. Неделю назад, когда на побережье высыпали про-

летные перепела, он с утра до вечера бродил с легкой палкой в руке, с обученным ястребенком, у которого на левой ноге был привязан маленький колокольчик. Он ходил не торопясь, пошевеливая в кустах палкой, и оттуда дождем вылетали ожиревшие, тяжелые перепелки. Нестор сбрасывал с руки ястребенка, и ястребенок стрелой падал на неповоротливую летевшую над травой птичку. По звону колокольчика Нестор отыскивал в кустах добычу, отнимал у ястреба перепелку и, свернув ей голову, подвешивал к своему серебряному пояску. Перепелиный легкий пух плыл за ним по теплому воздуху.

Познакомил меня с Нестором знакомый абхазец.

– Это – большой охотник, – сказал абхазец, – он много ходит, много знает, может ходить на охоту без собаки. Кукурузу сажать не любит, на охоту ходить любит. Ты пойдешь с ним, он тебе покажет.

Вечером мы вместе сидели в духане. Нестор долго отказывался от предложенного стакана вина. Мне нравилось его лицо, орлиный нос, сдержанная важность. Ястреб по-прежнему сидел на плече его. Соблюдая достоинство, он пил мало, говорил того меньше.

Путру, как было условлено, Нестор явился меня будить.

Мы вышли на охоту рано. Еще лежала на траве и деревьях седая роса, сильно и пряно пахли кипарисы. Сизая дымка висела над морем и над горами. Мы прошли садами по каменной поросшей травой тропинке. Нестор шел впереди. На его плече качался длинный бамбуковый шест. Другого оружия при нем не было. Он шел, легко ступая, высоко держа обмотанную башлыком черную голову. Нас, охотников с ружьями, было трое. Мы едва поспевали за быстроногим нашим проводником.

Мы шли садами и убранными полями с торчавшими из земли сухими стеблями кукурузы, колючими кустар-

никами, росшими по закрайкам полей, по местам, где ночью кормились зайцы. Нестор внимательно осматривал и, казалось, обнюхивал каждый куст. Задневавший в долине шакал выскочил из-под наших ног и стрелой помчался в горы. Нестор пронзительно свистнул ему вслед. У густого, проросшего высокой травой куста провожатый наш остановился и поднял руку. Два раза он обошел куст, точно принюхиваясь, как идущая по следу собака. Потом поставил нас вокруг куста и снял с плеча длинную палку. Лицо его было торжественно. Мы остановились подле куста с приготовленными ружьями, ждали, – я смотрел в лицо Нестора и не мог удержаться от улыбки. Еще раз обойдя куст, он стал шуровать в траве палкой, совершенно так, как деревенские рыболовы шуруют под берегом, ловя рыбу и раков. Тотчас из куста на меня выскочил крупный заяц – русак и, положив на спину уши, заковылял по чистому полю. Это было так негаданно, что я забыл выстрелить. Нестор свистнул, пощелкал языком и укоризненно покачал головою.

Мы проходили все утро. Нестор внимательно осматривал каждый куст. Иногда он останавливался, поднимал руку, и мы привычно располагались вокруг указанного куста и приготавливали ружья. Мне была непостижима способность Нестора учуивать в кустах затаившихся зайцев. Я внимательно следил за всеми движениями его, стараясь раскрыть занимавший меня секрет Нестора охотничьего чутья.

В обед мы подошли к хатенке Нестора. Это была сбитая из тесу, обмазанная известью маленькая избушка. Трудно было представить, как в этой избушке помещается вся многоголовая Несторова семья. Два дерева с голыми сучьями стояли у «въезда» в Несторово поместье. Узластый стебель виноградной лозы с подсохшими кистями чер-

ного винограда обвивал эти деревья и всю ободранную крышу хатенки. На развилине старого дерева были сложены кукурузные листья – заготовленный на зиму корм.

Мы восседали на земле вокруг горевшего под котлом огня, пили молодое красное вино, по обычаю, произносили приветственные речи. Хозяйка угощала нас мамалыгой.

Когда мы выпили по стакану, я решил расспросить Нестора о его замечательном умении находить зайцев.

– Ты удивительный охотник, – сказал я Нестору, поднимая стакан. – Я много ходил на охоту и много встречал охотников. А еще ни разу не встречал такого, чтобы сам мог чують дичь и находить зайцев, как это делаешь ты. Я здесь человек новый и хочу все знать: скажи мне, пожалуйста, как узнаешь ты, под каким кустом лежит заяц?

Нестор покрутил усы, важно ответил:

– Ты русский охотник?

– Да, я русский охотник.

– Я охотник кавказский. Кавказский охотник и русский охотник – теперь братья. Слушай: есть ваш русский заяц и есть наш заяц, кавказский. Наш кавказский заяц ночь туды – сюды ходит, потом идет спать и делает в кусту норку. Если есть в кусту одна норка – лежит один заяц, если две норки – два зайца. Кавказский охотник

берет ружье, а другой пугает зайца. Так можно убить много зайцев...

Я сообразил не сразу, – так был прост охотничий секрет Нестора. Потом мне все стало понятно. Кусты на Кавказе частые и густые, в них всегда растет густая жесткая трава. Ложась на дневку, заяц, как крот, точится в сухую траву, а за ним остается заметный охотнику лаз. Если внимательно осматривать каждый куст, можно найти заячьи ходы и по расположению примятых травинок наверное знать, в котором кусте лежит заяц.

Незнакомому с такой охотой охотнику может показаться чудесным, как находит кавказский охотник «почутью», зайцев. А все же и самому опытному охотнику не так просто находить в кустах заячьи ходы. Нужно примечать зорко, уметь хорошо читать живую и сложную книгу природы.

Мы сидели у него долго. Со свойственным кавказцам гостеприимством, он угощал нас, чем мог, и с гордостью показывал все свое семейное богатство. Потом он провожал нас до города. Я еще несколько раз виделся с ним и ходил на охоту, а в конце месяца мы расстались большими друзьями.

*1940 г.*

*Печатается по изданию: Абхазия в русской литературе.  
Сухум, 1982. С. 280 – 283.*

## Константин Аргун

### ЗВЕЗДЫ НАД СУХУМОМ

Вечером в лесу тиха, чиста  
протекает речка Гумиста.  
Близ нее стою... А предо мной  
мой Сухум – город мой родной.

На горе стою в густом лесу,  
а Сухум все светится внизу.  
В небе звезды, на земле огни –  
словно отраженья звезд они.

В небе звезды, лампы на горе –  
все сливается в одной игре.  
На горе стою я в полный рост  
в окружении горящих звезд.

1954

## Геннадий Аламиа

### ДИОСКУРИЯ

*Чуден вид его и страшен...*

Н. Заболоцкий

Был город...  
Он стоял  
На берегу морском.  
Нет города. Пропал.  
Пропал? Куда же он  
Исчез? Не свет ли жемчугов  
Забрезжил в глубине  
И соблазнил его  
Пойти туда...  
На дне  
Остался навсегда.  
Был город.  
Нет его.  
Над ним светла вода.  
Над ним волна Вольна,  
Свет солнца шевеля...  
Дома остались для Истории и рыб...  
Историк,  
Не могли б Вы  
чуть повременить –  
И море не винить –  
Не думая убить,  
убило город море.  
Лишь красота домов  
влекла его туда. И в эту красоту влюбилось  
море вскоре  
И больше не уйдет оттуда  
никогда...

## Лейла Пачулия

\*\*\*

Звон колоколов Сухумской церкви  
– Чистый, как молитва малыша.  
Разомкнет в душе печали цепи,  
Впустит солнце и вспорхнет душа.

Станет птица серая лучистой,  
Встрепенется, облетит ваш кров.  
И, как в капле солнца, отразится  
В вашем доме звон колоколов.

## Енвер Ажыба

### АКӘА

Сырнуп, Акәа, уахагы умфадукәа,  
Ацәыз сымоушәа уахагы сыцшаауеит.  
Сышцъаршьоз збоит сызвысуа афндуқәа,  
Иржъаз ацхәызба леицш сгәы цшаауеит.

Ацәымза лашарақәа ацәмачхеит уажә Акәа,  
Хъаауп уажә амшынгы атра итзыркъо.  
Сычкәынра ашықәсқәа ахьсхызгаз аракоуп,  
Исзымдыруа гәнахауп уажә са сызхыркъоу.

Иццакы-ццакуа исывсуеит ауаа аччара зхаштхьоу,  
Итыблаау апенцьырқәа сдыршәарцгы иафуп.  
Сыблақәа ирхымзало,  
Аха сыблақәа итасхьоу,  
Акама цхафырқәа уахагы исфәакуп.

Сырнуп амфадукәа, Акәа сагәйтцаршәуп,  
Ихьшәашәоуп сгәатца, сыхьшәашәоуп – ак схым.  
Снылаиоит шыацрак гәабантцас исытцаршәуп,  
Дгыыл ыйтк абакоу ашьаза ффы зхым.

Акәа, о, Акәа, сықалақь цшза Акәа,  
Ахәрашәа еицаххәап уахак ма хнатәаны.  
Избагәышьоит, са сеицштцәкъа угәгы тақәафәоуп,  
Аха хәычтцас хазлатцәыуари ажжыхәа еиматәаны...

1994

## Заира Тхайтыкө

### АКӨА

Акөа – сқәыцшра,  
Акөа – сажәра:  
Сара сгәыргъа,  
Са сгәырөа.

Сыцсы уацоуп,  
Сыцсы уацуп,  
Акөа – сыцшза,  
Сгәацацха.

Уара – ужәытәзоуп,  
Уара – уҕыцзоуп,  
Бырлаш – лакәуп  
Укәара.

Саси – цшәымеи  
Ара иргәартәоуп,  
Цсыс уахами  
Ацсынра.

Акөа – сымра,  
Акөа – сымшра,  
Уда сцашам  
Тәымцъара.

Сыга, сышьха  
Рыкәа утаршәуп,  
Угәызырхагоуп  
Сахтынра!

## Сергей Агындиа

### СЫҚАЛАҚЪ АҚӘА

Атәра ахьымзг уара иухыхуп,  
Аха зегьы акоуп – уейтымуп,  
Сықалақъ Ақәа...

Иуцәыбналаз рыбжьқәа еитцыхцәоуп,  
Ақәса рыгәта урт фырхацәоуп,  
Сықалақъ Ақәа...

Иуцәнымхозшәа цюук умәа ианыхуп,  
Арахь иабәкоу, уцәа уыхуп,  
Сықалақъ Ақәа...

Уахьыцшлакгы дара тәахуп,  
Бзиак рхәазом, ашхам рәахуп,  
Сықалақъ Ақәа...

Аха икоуп гәыла иузыкоу,  
Иуцтырхуеит рыцсы ирылоу,  
Сықалақъ Ақәа...

Аамта мцацәа ас ицарцу,  
Анкьа еидш уара ушәтырцу,  
Сықалақъ Ақәа?

### АҚӘАТӘИ АҚӘА

Ақәа иауит аацынтәи ақәа, –  
Шыжьнатцы ибаазан апальма анапқәа.

Инытцак иччоит «Амра» алакта,  
Адгьыл иалацәкәуеит аамта ахата.

Ласбоушәа ишьтаиан ацәкәырц ааскьоит,  
Анымха-хымтцәа – цшакгы кәашоит.  
Ацхыз еипш итынчуп амша зынза,  
Ацарақәа рашәа гоит хараза.

Жәфанаә ацстхәақәа атарчеи ныкәырцоит,  
Цхәызбак исыхәлаччаз лхала днаскьоит.  
Адунеи еиужьра... амшын акәара,  
Игәхьяаго стәами сжәйтәтәи сәара.

Акәа иауит аацынтәи ақәа,  
Шьыжьнатцы ибаазан апальма анапқәа.

## Вахтанг Ацхазоу

### САХЬЦАЛАКГЫ АЌӘАҖА СААУЕИТ

Сқәыцшра иатцамызт амаза,  
Амшын еицш ицәқәырпон.  
Сгәы стацәажәон: «қанбаназои?  
Сыцсықәара сырба!»  
Са сыцсаатәмызт, сгәатца нтыцсаауа –  
Сыццакы-ццакуа Ақәақа саауан.

Шьта суафьбжара стьсхьазаргь,  
Исызбашам сызхара,  
Ақәакьқәа рсахьақәа тысхуазаргь,  
Иацсоуми рырәхәара.  
Сызлоу цхыззаргь, Ақәа сыцшаауеит, –  
Харазаргь Ақәақа саауеит.

Сгәы ахшәашам ацшзара,  
Ес-шар ғыцбарах избоит,  
Ааңын иацииз ацшқарах  
Рыбғы гәылтын иеырбоит.  
Сшазгәыкуа, шәымтәк исхыцсаауеит –  
Срыткәоит ѿ-ажәак: «Ақәақа саауеит».

Ашьха сцаргьы стәанхалашам,  
Атыцқәа еимсырқьап.  
Зыхьда амѿа санхалашам –  
Инатаскып счақәа.  
...Сзыхьзалакгьы мацтас исшьауеит –  
Сахьцалакгьы Ақәақа саауеит.

2020

## АКӘА АЦСТАЗААРА ЕИЛАШУАН

Сылапш хаа баша амшын иххалоит,  
Амш наскьоит, ихарахоит.  
Сымџа сықәлап, ара стәанхалеит,  
Мақк саангылар, ихьшәахоит.

Аңнышқәагь реырзеит, шыта ипхьарылеит.  
Амшын инхылашт шыжы...  
Иааиуа амшгы ҳаицапылап,  
Амшын инхыларгы ашәшы.

Схала саанзыжбуаз хәылц – шәацшь наскьазгеит.  
Цшьаала инхызлеит амшын.  
Сымџа снанылеит, афныка сџазгоз.  
... Акәа ацстазаара еилашуан.

2021

## ЖИЗНЬ В СУХУМЕ

Зря с тоской я терзаю уставший свой взгляд,  
День склоняется тихо в закат.  
Быть тут долго невмочь. Уходить надо прочь.  
А иначе – опустится ночь.

Чайки смолкли, запрятавшись все на ночлег.  
Выплывает луна, как ковчег.  
А наступит рассвет – и сквозь мутный туман  
солнца диск поплывёт, как орлан.

Я, как другу, закату рукой помахал –  
ты давно заслужил, друг, похвал.  
И внимал я, о чём мне прибой говорит...  
...Ах, как море в Сухуме кипит!

*Перевел с абхазского Николай Переяслов*

## Эдуард Дзыба

### ФУТБОЛ

У инвалидов привилегии –  
Сквозь пеший, столпленный народ...  
Они на собственных приехали И разместились у ворот.  
Футболки празднично белеют,  
А рядом, в несколько шагов,  
Сидят безногие, болеют  
За быстроногих игроков.  
Они в машинах, как в оковах,  
Протезы новенькие жмут.  
Они в машинах, как в окопах, И кажется сигнала ждут.  
И вновь  
Сигнальную ракетой  
Летит в сквозное небо мяч.  
...Не плачь, родимая, не плачь  
Из всяких бед и неудач –  
Лишь только стойкий выживает...  
А футболистов награждают,  
Оркестры праздничные бьют.  
И инвалиды побеждают,  
Как в том, решительном бою!

\*\*\*

Светлый мой дом не тесен.  
Полон разных чудес.  
Стены его – из песен.  
Крыша – лазурь небес.  
Ковры моего дома –

Утренняя роса.  
Комнаты – мои думы.  
Окна – мои глаза.  
Настежь открыт душою –  
В доме огонь не зачах.  
Сердце мое большое –  
Неугасимый очаг.  
Железных запоров не будет И высоких заборов кругом.  
Входите, пожалуйста, люди.  
Это – мой дом!

## Елена Фролова

### СУХУМУ

Зной, опускаясь на горы и город,  
на побережье, на улицы, пальмы,  
всё убаюкает на ночь. И только  
лишь кипарисов длинные пальцы

трогают вечное звёздное небо,  
там, где созвездья роятся, как пчёлы.  
Месяц краюшкою круглого хлеба  
светится корочкой недопеченной.

Сидя на пирсах, в кафе, на аллеях  
за полночь люди становятся тише.  
Будто бы звёздное небо лелея,  
сияются сердце друг друга услышать.

**Рюрик Ивнев**

**ЗИМНЕЕ МОРЕ В СУХУМЕ**

Был хмурый день, темнели облака.  
Цвета небес тебя не украшали.  
Безмолвно ты лежало в серой шали,  
Как будто утомленное слегка.  
Любившее недавно горячо,  
Ты никого теперь не обольщало  
Ни золотисто-радужной парчой,  
Ни серебристо-лунным покрывалом.  
Ты было морем, морем без прикрас,  
Ты было зимним морем одноцветным,  
Но взгляд твоих огромных серых глаз –  
Прекрасней блеска жемчугов несметных.

*1966*

## Саид Гезердава

### НЕЗАМЕНИМЫЕ ЕСТЬ

Сегодня 68 лет исполнилось бы Анзору Агумава...

Для Абхазии и прежде всего для Сухума имя Анзора Агумаа связано с сохранением исторической памяти города. С Анзором Агумаа у многих из нас связано первое осознанное знакомство с историей города – не абстрактной, а живой, прочитанной через дома, улицы, старые фотографии, архивные документы и судьбы жителей Сухума. Он принадлежал к поколению людей, чья биография неразрывно связана с судьбой страны: Анзор Агумаа был участником Отечественной войны народа Абхазии (1992–1993), и этот опыт стал важной, хотя и скромно обозначенной частью его жизни.

После войны Анзор Агумаа посвятил себя кропотливой исследовательской работе. Он принадлежал к тем редким исследователям, которые знали город не по отдельным фрагментам, а в его гармоничной целостности.

Его интерес к Сухуму был пристальным и глубоким: от крупных общественных зданий до скромных частных домов, от центральных кварталов до тихих улиц, от официальных архивов до устных рассказов старожилов. Сухум в его трудах – это не абстрактный «исторический город», а пространство, сложенное из домов, улиц, деталей, старых фотографий и архивных документов, за которыми стоят конкретные эпохи и человеческие судьбы.

В послевоенные годы, когда город переживал тяжёлые перемены и утраты, Анзор Агумаа занимался тем, что

сегодня кажется особенно ценным: он сохранял Сухум в памяти – аккуратно и достоверно. Фиксировал то, что легко исчезает: облик улиц, исчезнувшие детали, имена и контексты.

В 1995–1996 годах в Сухумской картинной галерее состоялась первая в Абхазии выставка архивных фотографий и открыток Старого Сухума, подготовленная Анзором Агумаа. Это была не просто экспозиция изображений. Благодаря подробным авторским описаниям выставка стала цельным визуально-историческим рассказом о городе – с пояснениями о домах, улицах, парках, людях и городской среде конца XIX–начала XX века.

На основе собранных им архивных материалов был создан документальный фильм «Город расплывчатых теней» (1996) – фильм об архитектуре Старого Сухума и Абхазии на рубеже XIX–XX веков. Это была совместная работа Анзора Агумаа и Темура Кучуберия, где Кучуберия выступил режиссёром и оператором. Фильм дважды транслировался на Абхазском телевидении и стал важным визуальным свидетельством ушедшего облика города.

В 1999 году вышла книга Анзора Агумаа «Архитектура Сухума / The Architecture of Sukhum», изданная также на английском языке. Она стала одним из первых системных трудов, представивших архитектурную историю Сухума не только местному читателю, но любителям истории культуры за пределами Абхазии.

Среди его публикаций – исследования, посвящённые вилле Иоакима Алоизи, Николаю Николаевичу Смецкому (1852–1931), вопросам просвещения Абхазии в XIX – начале XX века, а также книга «Ас-ду» или «Большой снег» в 1911 году, в которой через одно событие раскрывается целая историческая эпоха.

Книги Анзора Агумаа «Старый Сухум: архитектура Сухума на рубеже XIX–XX вв.» (2016) и «Сухумь: Очерки по истории и архитектуре города (конец XIX – начало XX вв.)» (2023) стали итогом многолетней кропотливой работы. Эти издания собрали воедино огромный массив информации и сегодня по праву считаются одними из самых полных и точных трудов по истории и архитектуре города.

Отдельного упоминания заслуживает его участие в коллективной научной работе «Искусство Абхазского царства VIII–XI веков» (соавторы: Андрей Виноградов, Денис Белецкий, Екатерина Ендольцева, Олег Бгажба). Книга посвящена археологическому и искусствоведческому анализу памятников христианского искусства, связанных с крепостью Анакопия – первой столицей Абхазского царства. В исследовании рассматриваются архитектура храмов, эпиграфические источники и иконография города на основе старинных гравюр, фотографий и открыток. Особое внимание уделено атрибуции рельефов, составляющих крупнейшее на территории Абхазии лапидарное собрание. Эта работа стала важным вкладом в изучение раннесредневекового наследия Абхазии и ещё раз показала масштаб научных интересов Анзора Агумаа и его преданность изучению материального и художественного наследия страны.

Перечисленное лишь часть того, что он успел сделать. Но и этого достаточно, чтобы понять масштаб его вклада в изучение исторического и культурного наследия. Это не просто список публикаций и проектов. Это – сохранённая память Сухума, собранная и переданная будущим поколениям человеком, для которого история города была делом жизни.

## Из книги Анзора Агумаа, Старый Сухум

### МУЗЫКАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Зарождение музыкальной жизни в Сухуме относится к 1860 г. В 1867 г. в городе образовался Сухумский любительский музыкальный кружок, который давал концерты для горожан. Музыкальный кружок располагался в доме у председательницы кружка и распорядительницы музыкальных и драматических концертов, маскарадов и балов Софьи Никитичны Введенской (сестра начальника Сухумского военного отдела, полковника А. Н. Введенского), на углу Гейманской улицы и Музыкантского переулка. Оркестр музыкального кружка состоял из пианиста, фисгармониста, виолончелиста, флейтиста и двух скрипачей. Оркестром управлял капельмейстер Шрикер. В 1873 г. два раза в месяц Сухумский любительский музыкальный кружок давал благотворительные концерты в пользу Сухумского женского училища.

В конце XIX в. музыкальная жизнь Сухумских обывателей ограничивалась тем, что 2 раза в месяц на бульваре играл военный духовой оркестр. Духовой оркестр Сухумского 258-го пехотного резервного полка состоял из 16 музыкантов, которые исполняли марши, вальсы, попури из разных опер, романсы. В начале XX в. на бульваре была устроена деревянная ротонда в виде раковины, на сцене которой играл военный оркестр, сначала 2 раза, а затем и 3–4 раза в неделю.

Дирижером оркестра долгие годы был капельмейстер Форштадт. Позже Сухумский музыкальный кружок рас-

полагался на набережной в здании, принадлежавшем доктору Преображенскому.

## ТЕАТРЫ

В XIX в. в Сухуме не было театров и театральной профессиональной труппы. Первые театральные постановки относятся к 1864 г., когда организовался любительский драматический кружок, который осуществлял театральные постановки на сценах городского и военного клубов. Здесь ставились спектакли с благотворительной целью – в помощь беднейшим слоям населения. В 1869 г. кружок дал две постановки, сбор от которых пошел в фонд открывавшейся Женской прогимназии. В 1874 г. кружок поставил комедию Гоголя «Женитьба», с успехом принятую сухумской публикой. 12 июля 1914 г. в театре Алоизи прошел студенческий вечер «в пользу недостаточным студентам Сухумского реального училища». В постановке была комедия «Ищу жениха». В любительской труппе участвовали актеры Б. Рукин, С. Туркия, Д. Арзамасов, Б. Соколов, С. Сидиропуло и др. Госпожа Туркия пела романсы, госпожа Мурская играла на рояле, С. Навроцкий – на скрипке, Л. Навроцкая – на рояле. Арзамасов, Туркия, Николаев – студенты – распорядители, директор танцев – студент Гукелов, устроитель вечера – Г. П. Навроцкий.

В 1907 г. на подмостках, устроенных для оркестра, в ресторане «Ориенталь», помимо музыкантов, выступали заезжие артисты. После первой постановки, в рекламе ресторана «Ориенталь» значился театр «Наука и Жизнь» – имелись в виду именно эти подмости. Это название «театра» в ресторане просуществовало до 1912 г.

В буфете Сухумского общественного собрания, в здании гостиницы «Ривьера» также были устроены подмостки, где ставились любительские спектакли, проводились елки, утренники, маскарады и вечера. «Сухумское артистическое общество» («САО»), образовавшееся в 1909 г., до 1912 г. давало спектакли, постановки и пьесы на этих подмостках. Осенью 1915-го образовался Сухумский артистический кружок. Первое здание театра, специально приспособленное под драматический театр и синематограф «Наука и Жизнь», в Сухуме было построено в 1912 г. на Колюбакинской улице. Поскольку драматические постановки были редки, то в основном работал кинотеатр. И театр, и кинотеатр, располагавшиеся в одном здании, принадлежали купцу 1 – й гильдии, председателю Сухумского эллинского общества Х. К. Самуриди. Проектировал здание знаменитый сухумский архитектор Альфред Баммэ. Здание театра Самуриди, построенное в стиле модерн, являлось одним из лучших архитектурных строений города. Памятник был уничтожен в 1970-х гг.

## Надежда Венедиктова, Архип Лабахуа

Из книги «НАЕДИНЕ С СУХУМОМ» (2023)

Очень неожиданным стало появление в 2011-м сосредоточенного Пингвина – философа в каких-нибудь ста метрах от Чика. По замыслу Архипа, это путешественник который никогда не бывал в Сухуме – пингвин задумчиво записывает свои мысли, не обращая внимания на снующую вокруг толпу и завсегдает расположенной рядом кофейни. Он погружен в себя и требует от зрителя ответной сосредоточенности. Пингвин – философ ведет себя как человек, птица пишет у нас на глазах, и это не мультфильм, это включение в нашу реальность, в которой, оказывается, возможна подобная встреча...

Что-то не то с городом. Интернациональный дух – спасательный круг, какой-то потрепанный. Надо привести его в порядок. Можно было бы сделать какой-то “маяк”.

Например, иностранца за каким-то спокойным занятием. Читает, пишет. Нет, фигуру человека дорого. Может быть, антропоморфный стиль использовать? Да,

пусть это будет, например, пингвин. Птица совершенно не местная. И вид у нее цельный. А размышлять будет, например, словами Уильяма Фолкнера.

Жизнь это не имущество, которое надо защищать, а дар, который надо разделить с другими людьми.

Разлюбил сентенции, афоризмы, но здесь это уместно.

## СУХУМСКИЙ ДРАЙВ ОБРАЗЦА 80-х

*Мушни Хварцкия и Адгуру Инал-Ипа*

Когда-то турки называли Сухум старым Стамбулом – это был восточный комплимент, подчеркивающий органичность сухумских кофеен. Даже в ранний советский период, когда массовый энтузиазм ценился больше, чем непринужденная беседа, сухумчане умудрялись оттачивать свою индивидуальность за чашкой черного кофе.

Чашка кофе в приморском городе, между горизонто-ми цепью холмов, отдает свой аромат не только бризу, но и общению. В начале 60-х годов XX века в сухумском кофепитии открылась новая эпоха – по инициативе Михи Бгажба, жизнелюба и первого секретаря Абхазского обкома КП Грузии, была построена «Амра», возвышающаяся над водой на сваях двухпалубная имитация парохода с рестораном на первом этаже и кофейней на втором. Расположенная между двумя причалами – катерным и пароходным, «Амра» добросовестно коптила небо, добавляя кофейный дымок в мировое братство судов.

Довольно быстро кофейня с круговым обзором залива и побережья стала любимым местом сухумской богемы, где в непрерывной круговерти общения собирались те, кому размеренный курортный быт в советской упаковке был тесен – здесь импровизировали, подвергали сомнению устоявшиеся ценности, рождали остроты, обходившие весь город, и травили анекдоты, за которые еще десять лет назад могли услатить в Сибирь. «Амра» трепетала чуть сбоку от города, как бабочка на кофейной привязи, в любое время летних суток здесь можно было встретить своих или чужих, готовых к глубокому трепу; можно было погрузиться в одиночество, обернув лицо к заливу –

мгновенья обнаженного стояния перед настоящим. Сюда приводили приезжих гостей, чтобы сразу окунуть их в свою атмосферу – бакинские джазмены играли здесь в 60-х полузапрещенный рок, чуть позже стали появляться московские диссиденты, Искандер и Андрей Битов тусовались с местными литераторами и почитателями, все дороги вели на «Амру», и градус незаурядности на один квадратный метр здесь был выше, чем на остальном побережье.

Вечность здесь была уютной, обжитой, почти домашней, во всяком случае, ее присутствие в разговоре было безусловным и придавало общению слабый привкус архаики и шарм кругосветного путешествия.

## Стефания Конькова-Данилова

### СУХУМ/АЌӘА

Кофе цвета «жгучий брюнет»  
Позапрошлогодней весны.  
Сказок в этом городе нет.  
Есть легенды, изредка сны.

Пахнет солью, солью Земли.  
А часы не станут стрелять.  
Не швырай прибою рубли,  
На песок горячий приляг.

Перечеркнута буква К –  
будто крестит старая мать.  
По тебе пойду наугад  
сосны гладить, сны обнимать,

на ковре из пьяной травы  
в небо посмотреть, наконец...  
У кого есть ум, тот, увы,  
не поедет в город сердец.

Кофе цвета «долгая ночь»  
подниму за здоровье гор.  
И закончусь так же точь-в-точь,  
Как нечаянный разговор.



## СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	
<i>Владимир Зантариа</i> .....	5
<b>Дмитрий Гулиа</b>	
Корабль пришел.....	8
Мой город.....	9
<b>Ефим Зайцевский</b>	
Абазия .....	10
<b>Баграт Шинкуба</b>	
Мой город любимый... ..	11
Сықалақь .....	11
Вечер у моря.....	13
<b>Алексей Джонуа</b>	
Ботанический сад .....	15
<b>Чичико Джонуа</b>	
На колхозном рынке.....	17
<b>Виктор Стражев</b>	
ДИОСКУРИЯ.....	19
<b>Фазиль Искандер</b>	
Дети Черноморья.....	20
Киазым Агумаа .....	21
<b>Иван Тарба</b>	
Кто знает!.. ..	22
До утра .....	23

<b>Миясат Муслимова</b>	
Набережная в Сухуме .....	25
<b>Виталий Шария</b>	
«Лукоморье» в Сухумском ботаническом саду.....	27
<b>Игорь Гельбах</b>	
Забывтый Севастополис .....	31
<b>Антон Чехов</b>	
Сухум. 25 Июля 1888 г.....	34
Из книги С. Лакоба «Крылились дни в Сухум кале» ....	35
<b>Вадим Шершеневич</b>	
«Эй, худые иссохшие скалы...» .....	37
<b>Константин Паустовский</b>	
Где нашли Золотое Руно (Абхазия) .....	39
<b>Михаил Булгаков</b>	
Я.Л. Леонтьеву. 17 августа 1936 г. Сухуми .....	40
<b>Николай Асеев</b>	
Майский дождь в Сухуме .....	42
<b>Кероп Магакян</b>	
«Как постарели сухумчане!..» .....	43
Утро Сухума .....	43
Сухумский рынок .....	44
Хамса .....	45
<b>Гэында Сақания-пқа</b>	
Ақәазы ашәа.....	46
<b>Владимир Делба</b>	
«Для автора, как и для героя...» .....	47
Контур неясный синееющих гор .....	48
<b>Евгений Евтушенко</b>	
Море .....	56

<b>В. П. Пачулиа</b>	
Русские писатели в Абхазии .....	58
<b>Мариэтта Шагинян</b>	
Ткварчельский уголь .....	59
<b>Александр Бардодым</b>	
Письмо абхазским друзьям .....	62
Этюд.....	63
Этюд уходящего лета.....	63
<b>Николай Патулиди</b>	
Петух.....	64
<b>Анатоли Лагәлаа</b>	
Акәа, умшәан! .....	65
<b>Евгений Гуров</b>	
Этюд. Сухум. Зима .....	66
<b>Константин Симонов</b>	
Этюд Абхазии.....	68
<b>Леварса Квициния</b>	
Аква .....	69
Апсны .....	69
<b>Шалва Цвижба</b>	
Сухумские платаны .....	71
Из книги В. П. Пачулиа	
«Русские писатели в Абхазии».....	72
<b>Станислав Лакоба</b>	
Из книги «Крылились дни в Сухум-Кале...» .....	77
«Живем в Генуэзском переулке...» .....	78
<b>И. Новодворский</b>	
В сухумском кафе .....	81
<b>Владимир Зантариа</b>	
Из Книги «Дверь, приоткрытая во вчера» .....	83

Впечатления от первых бесед с мастером .....	86
Грэм Грин и простые сухумцы.....	87
В ресторане «Нартаа» .....	90
Морская прогулка.....	92
О том, как Грэма Грина принимали в «Клуб аргонавтов» .....	94
Встреча в Союзе писателей.....	98
Грэм Грин и «священные коровы» .....	101
Лечение методом Грина.....	105
<b>Владимир Зантариа</b>	
Сухумская барахолка.....	107
<b>Нелли Тарба</b>	
Деревья Сухума.....	109
По ночному Сухуму гудки парохода .....	110
<b>Василий Каменский</b>	
Из книги С.З. Лакоба .....	112
«Крылились дни в Сухум-Кале».....	112
Прибой в Сухуме.....	112
<b>Василий Каменский</b>	
Привет Сухуму!.....	115
<b>Исаак Бабель 117</b>	
(из Сухумских записок).....	117
<b>Георгий Гублиа</b>	
Сухумская крепость.....	118
<b>Константин Герхелия</b>	
Сухум .....	119
<b>Р. Артамонов</b>	
Сухум .....	121
<b>Семен Кирсанов</b>	
Растение в полете .....	123

<b>Иван Соколов-Микитов</b>	
Охота на Кавказе .....	124
<b>Константин Аргун</b>	
Звезды над Сухумом.....	129
<b>Геннадий Аламиа</b>	
Диоскурия .....	130
<b>Лейла Пачулия</b>	
«Звон колоколов Сухумской церкви...» .....	131
<b>Енвер Ажьйба</b>	
Акәа .....	132
<b>Заира Тҳайтцкә</b>	
Акәа .....	133
<b>Сергеи Агындиа</b>	
Сықалақь Акәа .....	134
Акәатәи ақәа .....	134
<b>Вахтанг Ацҳазоу</b>	
Сахьцалакгы Акәака саауеит .....	136
Акәа апстазаара еилашуан.....	137
Жизнь в Сухуме .....	137
<b>Эдуард Дзыба</b>	
Футбол .....	138
<b>Елена Фролова</b>	
Сухуму .....	140
<b>Рюрик Ивнев</b>	
Зимнее море в Сухуме.....	141
<b>Саид Гезердава</b>	
Незаменимые есть.....	142
<b>Из книги Анзора Агумаа «Старый Сухум»</b>	
Музыкальная жизнь .....	145
Театры .....	146

<b>Надежда Венедиктова, Архип Лабахуа</b>	
Из книги «наедине с Сухумом» (2023) .....	148
Сухумский драйв образца 80-х .....	149
<b>Стефания Конькова-Данилова</b>	
Сухум/Акѳа .....	151


*Автор проекта и  
составитель писатель, академик  
В.К. Зантариа*

**Ода  
Акѡа-Сухуму**

Стихотворения • Рассказы • Очерки

*Компьютерная верстка Н. Гунба*

Формат 84x108 1/32. Тираж 500. Физ. печ. л. 5. Заказ № 9.

 Республика Абхазия.  
РУП «Дом печати»,  
г. Сухум, Эшба, 168.